

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБИРАЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ С С С Р

Год издания 31-й
№ 61 (4027)

Среда, 20 мая 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Участники III съезда писателей СССР. Слева направо: Г. Марков, А. Кулешов, А. Твардовский, Р. Гамзатов, Т. Абдумомунов, С. Олейник, Б. Кербабаяев и Е. Поповкин. Фото А. Липина

В Большом Кремлевском дворце

Утреннее заседание 19 мая

19 МАЯ на утреннем заседании III съезда писателей СССР, проходившем под председательством Л. Соколова, съезд заслушал доклад Мандатной комиссии. М. Степеляк сообщил, что на съезде представлены писательские организации всех союзных и автономных республик, краев и областей нашей страны. В зале заседаний — писатели 49 национальностей СССР. Состав делегатов еще раз демонстрирует многонациональность единой советской литературы, свидетельствует о подьеме и развитии национальных культур.

Жизнь требует от писательского съезда не многословных заверений, но общих, оторванных от литературной практики призывов, но поверхностного, «списочного» подведения итогов более чем четырехлетней писательской работы, а серьезного, глубокого анализа, всестороннего обсуждения насущных проблем нашего литературного развития именно с точки зрения той активной и целеустремленной помощи в деле коммунистического воспитания народа, к которой призвана наша литература.

Наша культура многонациональна; она имеет широчайшие международные связи и признанный мировой авторитет. Это закономерно выдвигает перед участниками съезда, во-первых, необходимость максимального укрепления взаимосвязей между литературными братскими республиками, а во-вторых, расширение контактов между советской литературой и прогрессивной культурой зарубежных стран.

Как полное и лучшее познать в книге и на киноэкране, по телевизору и на сцене сегодняшние великие дела, творческие подвиги наших современников, в творческих решениях этого вопроса, заслуживающее пристального внимания съезда, наш узбекский Союз писателей, организовавший поездки литераторов на длительный срок на производство, в колхозы, на новостройки республик. Об этом практическом стремлении писателей Узбекистана непосредственно приблизиться к своим героям говорит с трибуны съезда К. Яшен.

Дальнейшему расцвету молодой туvinской литературы посвятил свое выступление С. Тока.

Герой современности еще далеко не во весь рост показан в современной нашей литературе, справедливо заявляют А. Сальвинский и С. Сартаков (Москва). Образ оратора совершенно верно откликнулся: происходит это потому, что ныне писатели мало знают жизнь. Отсюда, как говорил А. Сальвинский, идет неумение видеть в нашей жизни новые черты советского человека, который на голову выше «маленького» героя зарубежного искусства. Определяющая черта героев современности — это дерзновенная активность в перестройке жизни на коммунистических началах. Однако во многих наших пьесах герой не наступает, а обороняется.

Каждый из выступающих на съезде непременно связывает проблему современности в литературе с задачей овладения высотами художественного мастерства. И это понятно: чем более грандиозные общественные задачи ставит перед собой искусство, тем более совершенным оно должно быть.

Мы сейчас не имеем права ориентироваться на «среднего» писателя, подчеркивает в своем выступлении И. Абашидзе (Грузия). «Средние» писатели обязаны подтягиваться до мастеров, ибо всякая плохая книга снижает вкус читателя, сводит литературу до уровня изделий ширпотреба. Повышение мастерства писателей, повышение качества советской литературы должно стать основным и главным в работе Союза писателей СССР. Вся работа должна вестись вокруг конкретных книг, по конкретным вопросам, поэзии, драматургии.

Требование высокого мастерства

есть прежде всего требование неразрывной связи литературы с народными, национальными истоками, говорит А. Малышко (Украина). Народность — первооснова всякого искусства, в том числе и литературы, ибо в отрыве от народной почвы искусство и литература вырождаются в декаданс и всевозможное триахество. Оратор выразил сожаление, что порой молодые писатели пренебрегают опытом и традициями, накопленными каждой литературой и особенно великой русской литературой.

М. Амиров (Татария), говоря о необходимости всемерно повысить требовательность к молодым писателям, отметил, что критика подчас захваливает далеко не совершенные и даже незрелые произведения, сбывая с толку и писателей, и читателей.

Задача повышения мастерства — это общая задача всей советской литературы. Естественно поэтому, что почти все ораторы говорили о необходимости укрепления деловой, «профессиональной» дружбы между братскими литературами.

В наших творческих дискуссиях, в критических статьях, говорит В. Лукс (Латвия), литературные явления и проблемы, характерные для одной республики, обычно рассматриваются в отрыве от аналогичных явлений и проблем в литературе других республик.

Нам, советским писателям, надо чаще садиться за всеобщий круглый стол, призвал А. Прокофьев (Ленинград).

О выходе советской литературы на мировую арену, о все большем международном признании национальных литератур нашей страны говорил в своем выступлении К. Зелинский (Москва).

С интересом была выслушана делегатом и гостями съезда речь К. Чуковского, проанализировавшего состояние современной детективной литературы на Западе, или, как образно назвал ее оратор, «душегубой, провакой словесности».

Тепло встречают участники съезда выступление руководителя делегации польских писателей Я. Яшвиньча.

Советская литература, сказал он, занимает выдающееся место среди всех литератур мира. Польскую и русскую литературы всегда объединяли узлы дружбы. Писатели призывают шире практиковать личные встречи литераторов обеих стран. Мы будем прислушиваться, говорят он далее, к ходу дискуссии на настоящем съезде с большим интересом и вниманием.

Вечернее заседание 19 мая

Каждый, кто присутствует на заседании Третьего съезда писателей, чувствует широкий представительный характер этого собрания. На вечернем заседании 19 мая с трибуны съезда вновь прозвучали речи писателей не только из разных республик нашей страны, но и из-за рубежа, откуда, где дружески следят за ростом сил советской литературы.

«Живые элементы эпохи современности сочетаются с древностью Кремля, с золотыми луковницами его куполов», — эти слова французского писателя Армана Лану, впервые приехавшего в Москву, образно передают ту обстановку всемирной приподнятости и возволенности, в которой проходят заседания съезда.

Главное, к чему неизменно обращались почти все выступавшие, — это задача правдивого изображения в литературе наших современников, «людей коммунистического характера», как назвал их азербайджанский писатель Мехти Гусейн. «Закон нашего искусства — правда», — сказал он — «Наша правда — это открытая правда».

Осуществлению ответственных, творческих задач, стоящих перед нашими прозаиками, поэтами, драматургами, должна содействовать литературная критика. Это отметил в своем

выступлении Н. Лесючевский. Он призвал писателей отразить всю полноту и богатство духовного мира «героя наших дней». Н. Лесючевский привел интересные данные о деятельности издательства «Советский писатель». За четыре года, прошедшие со Второго съезда писателей, оно выпустило около полутысячи тысяч книг советских авторов, в том числе переводы с 38 языков народов СССР.

О расцвете национальных литератур в нашей стране говорили Э. Топчян (Армения) и Б. Кербабаяев (Туркмения). Остановившись на «внутренних» проблемах своей литературы, каждый из них вместе с тем уделил немало внимания контактам с другими литературами. Б. Кербабаяев пригласил писателей из разных республик побывать на стройках Туркмении. В свою очередь туркменским писателям много дала бы поездка, скажем, на Братский ГЭС. «Мы пишем не только для тех, кто читает по-туркменски», — заявил оратор, поддерживая идею создания центрального издательства национальных литератур.

От имени советских профсоюзоров съезд приветствовала секретарь ВЦСПС Т. Николаева, отметившая, что важнейшей задачей советских литераторов, их почетным долгом является воспитание человека коммунистического общества.

Значению съезда, роли советских писателей в борьбе за мир посвятили свои выступления Арман Лану (Франция), Пак Ун Гер (КНДР) и Таудзо Исинава (Япония). Пак Ун Гер от имени Центрального правления Союза корейских писателей вручил президенту съезда памятный подарок — знамя, на котором по-русски и по-корейски написаны дружеские пожелания советским писателям.

Об истинной свободе творчества, свободе утверждения высоких идеалов, свободе борьбы против врагов мира и демократии ярко говорил В. Полевой. Он привел красочные примеры того, как идеи коммунизма будят в сердцах новые силы, открывают новые грани их дарования. Изменяя же этим идеям ведет к осуждению и вырождению таланта писателя, как это случилось с Г. Фастом.

Наш долг перед читателем юного поколения — такая тема выступления Л. Кассиль, подчеркнувшего необычайно важную роль литературы, книги в формировании молодого советского человека. Л. Кассиль призвал писателей раскрыть высокую романтику труда, романтику коммунистического строительства.

«Сегодня 37 лет «пioneрнии», — сказал Л. Кассиль, — и мне радостно, что я могу выступать перед вами в день большого пионерского праздника. Прислушайтесь к звукам горна, которые сейчас раздаются на московских улицах, и я уверен, что в каждом проснется выходящий мальчишка или девчонка, и вы захотите помочь огромному делу — созданию большой и веселой литературы для наших мальчишек и девчонок, чтобы им хорошо рослось, крепче любили и счастливей жилось».

Заботой о воспитании литературной смены, глубоким доверием к молодым литераторам была проникнута речь В. Катаева, обстоятельно проанализировавшего произведения целого ряда авторов. Он ясно предложение дать наказ будущему правлению Союза писателей СССР — поставить воспитание литературной смены во главу угла всей его деятельности.

Многие злободневные вопросы литературной жизни затронул в своем выступлении С. Кирсанов.

«Внутренняя музыка» — вот что, по словам В. Катаева, отличает настоящую «внутреннюю музыку». Можно сказать, что эта «внутренняя музыка», энергичная и бодрая, звучала во всех выступлениях на съезде, все они пронизаны глубокой заинтересованностью в будущем советской литературы.

Съезд продолжает свою работу.

Выступления участников съезда Романтика наших дней

Речь Олеса ГОНЧАРА (Украина)

ДОРОГИЕ товарищи! К III Всеукраинскому съезду украинские писатели приходят сплоченным творческим коллективом, готовым к решению важнейших задач, которые ставят перед собой литература, партия, народ и сама жизнь.

Во время известной литературной болтанки прошлых лет советские писатели не обиделись с пути, не потеряли самообладания, если не считать отдельных лиц, которых несколько учаало на воздушных ямах и которые решили чернить то, чем вчера сами восхищались. Кое-кому, видимо, хотелось недостаток таланта возместить мнимой смелостью очернительства, но они напрасно рассчитывали, что конек или, скорее, сухопалый бес ревизионизма вывезет там, где отсутствуют силы убежденности, душевный огонь.

Если гоголевский кузнец Вакула вынул своего черта, то он твердо знал, куда и зачем ему скакать. Наши доморощенные скептики не знали и этого и собрались скакать бог весть куда. Но литература, крепко связанная с народом, в это горячее время проявила свою идейную зрелость, сплоченность, верность идеям партии, идеям коммунизма.

За время, истекшее после II Всесоюзного съезда писателей, на Украине выпущены сотни названий книг. Разумеется, далеко не все из них нас удовлетворяют своим художественным качеством, однако многое из написанного за эти годы стало достойным всеобщего читателя.

Партия достойно оценила труд наших писателей. Н. С. Хрущев, выступая на юбилейной сессии Верховного Совета Украинской ССР, с большой теплотой говорил о творческих достижениях наших писателей и всех деятелей культуры. Он отметил, что украинские писатели, художники, композиторы показали себя идейно стойкими, сплоченными, последовательно борющимися за осуществление политики партии в области литературы и искусства.

Сегодня, когда советский народ переживает первую весну семилетки, наша литература направляет все свои силы на то, чтобы показать советского человека в произведениях, достойных его дела, его трудовые подвиги.

Мы понимаем, что большие задачи требуют большого мастерства. Нам нужны новые, более смелые творческие поиски, нужные ярчайшие художественные краски.

Много у нас пишется серым по серому, вот в чем беда. Но еще хуже, если эту серость и тусклость мы станем возводить чуть ли не в норму, как это пытаются иногда сделать, если дадим себе увязнуть в бытовщине, полчищенности будничности и если эту будничность будем считать чуть ли не главным признаком правдивости реалистического произведения. Ведь даже молодые литстудийцы теперь нередко избегают ярких, мощных красок, боясь как бы их не обвинили в ложной романтике.

Для того, чтобы показать миру красоту нашего народа, всемирно-историческую значимость его самоотверженного

труда, нам нужна литература большой интеллектуальной глубины, литература необычайной свежести и яркости.

В этом нам может помочь опыт крупнейших советских художников, в частности опыт Александра Довженко.

Произведения Довженко, его художественная манера вызвали и вызывают немало споров. Недавно, например, пришлось мне прочитать в рукописи статью известного нашего писателя, который с позиций, я сказал бы, глубоко антиромантических нападает на Довженко, высмеивает его пафос, натяжку со всей едкостью полемиста.

Критик считает, что в «Поэме о море» нет жизненной правды, что все это условность и так писать нельзя. Довженковский манера в нашей литературе автор статьи противопоставляет как единственно правильную манеру — приземленность, бесстрастную повествовательность, будничность, которая, по его мнению, является обязательной приметой правдивости.

Странно, что именно те, кто больше всего ратует за свободу творчества и творческих направлений, проявляют удивительную нетерпимость, когда дело касается Довженко или других, тяготящихся к романтическим краскам и образам. Не понимают ли эти товарищи творческую свободу как свободу писать лишь в их ключе, в их манере? Высмеивая Довженко за его пафос, они не замечают, что это пафос нашего времени. Их мало интересует то, что художник воспекает народ со всей искренностью.

Говоря о стиливых течениях нашей литературы, хочется подчеркнуть, что романтика — не прихоть писателя, а его мировосприятие, выражение его творческой индивидуальности и как всякое иное восприятие жизни, способно выражать правду народной души, правду национального характера.

«Тарас Бульба» тоже необычен, высоки и торжественны его слова, но разве в этом не проявляется национальный характер и дух народа? Всемирно известные «Всадники» Яновского написаны на самом высоком регистре, но разве это лишает произведение жизненной правды?

Да, мы против псевдоромантики. Грош цена «романтикам», которая не выражает жизненной правды, но если прекрасные дела народа рождает вдохновенные слова, почему им не сказать? Почему нам не использовать яркие краски романтики — романтики реалистически правдивой — для выражения героического начала нашей жизни, оптимизма советского человека, его устремленности в будущее?

Мы не склонны канонизировать стиль Довженко, все его художественные приемы, но для нас творчество Довженко, его лебедина песня «Поэма о море»,

как и другие шедевры, являются замечательным примером того, как надо создавать большое искусство, как надо разрабатывать темы современности и как по-настоящему изучать жизнь.

Наша советская литература добилась больших успехов, книги наших писателей сегодня идут далеко по свету, волную сердца миллионов людей своей правдивостью, живонейшей силой, верой в человека и его будущее. В наш век, когда призраки атомных ураганов отравляют жизнь современного человека, роль нашей литературы исключительно велика. В деле борьбы за мир наши цели полностью совпадают с благородными целями демократической прогрессивной литературы всех стран. Глубоко гуманные, антимилитаристские традиции Горького, Барбюсса, Романа Роллана не должны быть утеряны, они должны прозвучать в советской литературе с новой силой.

Шолоховская «Судьба человека», так талантливо воссозданная на экране Бондарчуком, не может не волновать своим антивоенным направлением, боевым социалистическим гуманизмом. И хотя рассказ написан на материале военных лет, он звучит сегодня как нельзя более по-современному.

Тему современности, как видим, нельзя трактовать узко, нельзя сводить к очерковой злободневности. Для нас, советских художников, в понятие современности входит все, чем живет наш современник, все важные проблемы нашего времени, вся советская эпоха с ее героизмом, с победоносным движением народа в коммунизм.

Несколько слов о наших внутренних делах, в частности о «Литературной газете». Хотелось бы, чтобы в ее редколлегиях были представлены если не все, то по крайней мере крупнейшие национальные писательские организации. Хотелось бы, чтобы она стала подлинным выразителем, другом братских литератур, но пока, к сожалению, она этим не стала. Особенно это касается работы отдела литературы народов СССР. Этот важнейший отдел должен был бы задавать тон всей газете, глубоко и внимательно изучать процессы развития братских литератур, больших и малых. Между тем если говорить об украинской литературе, то она не слишком согрета вниманием работников этого отдела. Более того, они нередко просто несправедливы к ней.

Наша литература многонациональна. Писатели братской семьи, мы пишем на разных языках, но мы живем одной душой, одним единым желанием — все свои творческие силы отдать делу партии, глубоко человечному великому делу — построению коммунистического общества. (Аплодисменты).

Это нам по плечу!

Речь Федора ПАНФЕРОВА (Москва)

ДОРОГИЕ товарищи! Вот перед вами кусочек свиной руды. Мне его недавно прислали из далекой Сибири, из местечка, которое когда-то было не проходимо глухоманью. Я, конечно, не намереваюсь говорить о химических или физических свойствах свиной руды. Этот кусочек имеет свое историческое значение, пожалуй, не менее важное, нежели его химические свойства...

Всем вам известно, что вожаки декабристов были повешены, а их товарищи сосланы в глухую Сибирь. Их закопали в кандалы и принуждали добывать свиновую руду, выполняя каторжный труд. Добыча свиной руды без соответствующих санитарных условий очень вредна: рудная пыль разъедает легкие. И декабристы через несколько месяцев сами харкают кровью...

И вот совсем недавно советский народ, набравшись сил, прикоснулся своей исполинской рукой к дарам сибирской природы, открыл неисчерпаемые запасы руды, угля, нефти, алмазные россыпи, стал воздвигать гидростанции, мощные заводы и фабрики, превращать глухомань в индустриальные и культурные центры. Создавая все это, народ вспомнил, что где-то тут, в безлюдном местечке, добычи свиновую руду декабристы. Они скали заброшенную штольню, открыли ее и превратили в музейный уголок.

Вот из той штольни, где когда-то руки декабристов прикасались к породе, мне и прислали этот кусок руды. Он всякий раз волнует меня, как символ каторжного труда в прошлом; глядя на него, я особенно сильно ощущаю радость нынешнего свободного всенародного труда. Подумать только, какой огромной исторической важности событие произошло в нашей стране — труд из подпольного в прошлом превратился в творческий, созидательный!

Я бы мог вам, товарищи, часами рассказывать о том, какие великие преобразования происходят у нас в стране, как люди, овладев дарами природы, в корне перестраивают себя, свой быт, свой моральный облик, свое отношение к своей собственности и к государственным ценностям. Но вы все не хуже меня знаете, что величайшие темы современности видны в нашей действительности на каждом шагу. Дело сейчас не в их перечислении. Перед нами

стоит более важная задача — уразуметь глубины современных тем, памятуя, что любой литератор, независимо от его дарования, не может всеотсторонне, с полнейшим анализом событий разрабатывать современную тему, если он сам философски не осмыслил современность, четко не уяснил душевного состояния народа, его искреннего устремления, его морального облика, его быта, глубин его внутреннего мира.

Ясно, что любые богатейшие жизненные темы, рождаемые нашей действительностью, можно «закапировать», полить «розовой водой», но такое произведение читатель не примет, как не примет и произведение, в котором проявление противоположности жаждалось — ступенчатые черные пятна жизни. Да, написать такие односторонние произведения легче, нежели написать произведение, в котором с художественной глубиной будет вскрыта правда жизни. А правда жизни всегда рождается в противоположностях, в борьбе нового со старым, светлого с темным, другими словами, в конфликтах. Губкин, например, утверждал, что в гольях степей Башкирии и Поволжья должна быть нефть (что ныне фактически доказано). Но ведь у него были принципиальные противники, крупные ученые, которые убежденно доказывали, что нефть надо искать в горах или предгорьях. Это был конфликт крупной общестной значимости. А разве при создании совнархозов не было конфликтов? Были, да еще какие! А разве в среде людей, внедряющих автоматику в производство, нет конфликтов? Или в семье, где идет неизбежная ломка старых семейных отношений и становление новой советской семьи? Да ведь немало в нашей жизни и черных пятен, пережитков, — все это писатель не имеет права обходить. Но в то же время он должен видеть то основное, ведущее, чем живет советский народ, что он груду зацепил от гитлеровских полчищ, что и ныне защищает, что бережет и любовно выращивает в себе.

Тем новых, небывалых в истории человечества, у нас неисчерпаемое море. Но ведь у нас в стране жетется и целая армия даровитых писателей. Многие из них довольно успешно работают

над современными темами или над темами прошлого, освеща их духом времени. Однако есть и прослойка писателей, которые еще находятся в состоянии поисков, своеобразной растерянности. Вот им мы и должны по-товарищески помочь, помочь не административным нажимом, а путем открытия перед ними красочной и доподлинной правды жизни. У нас, к сожалению, нет Маскима Горького, который так умело помогал нам, когда-то молодым писателям. Так давайте замесим Горького коллективом опытных, полных писателей и в первую очередь обратим внимание на даровитые молодые литературные побегии.

Ведь вот где-то в Анхабаде живет молодой писатель Симашко, опубликовавший в «Новом мире» замечательную повесть, где-то в Казахстане живет молодой даровитый писатель Шеголкин, где-то под Владимиром — Никитин, где-то в Вологодской области — замечательный поэт Сергей Викулов, где-то в Башкирии — Исламов, где-то на Севере — чучка Рытузов... Кто-то? Этого «где-то» очень много в нашей стране. Веселу растут молодые даровитые побегии, но они зачастую растут без того творческого внимания, какое когда-то уделял молодой Максим Горький. Они, эти молодые побегии, конечно, прорвутся в литературный мир и помножат нашей волю, но с большей потерей времени и сил, нежели при нашем внимании и помощи.

В этом плане, плане творческой помощи любому из писателей, должно резко перестроиться все наши писательские организации. Странно, но одно время эти организации вдруг превратились в административные учреждения, и писатели перестали их посещать. Ныне, отвечая требованию времени, редколлекции писательских организаций перестраивают свою работу — с административного на творческий лад. Большую плодотворную работу ведет в этом отношении бюро правления Российского писательского союза, за что мы, писатели Федерации, благодарны Леониду Соколову. Перестроится Московская и Ленинградская организации.

Вот все эти вопросы творческого и организационного порядка, мне кажется, и надо обсудить на нашем съезде.

Путь в коммунизм открыт. С большой энергией приступим мы к своей творческой деятельности и создадим такие художественные произведения, которые порадовали бы наш слабый, героический народ. Дело это трудное, но нам по плечу! (Аплодисменты).

Речи печатаются по сокращенным стенограммам.

Выступления участников съезда

Лучше знать друг друга

Речь Петра БРОВКИ (Белоруссия)

От СОХИ до трактора, от простого молота до огромного пресса...

После XX и XXI съездов партии мы двинулись к своей цели еще более гигантскими шагами...

Вот один из небольших примеров. Колхозники белорусского колхоза «Рассвет» возделали большую кургань...

Никто не заставляет писателя говорить о том, что мы идем по пути, достойному розами...

Без всякого занейства мы можем утверждать сегодня на съезде, что наша национальная советская литература по праву является самой передовой литературой в мире...

За годы Советской власти, благодаря мудрой национальной политике нашей партии, белорусская литература значительно выросла...

Рост наших национальных литератур бесспорен. Но было бы неверно самообольщаться и не замечать того, что нам еще предстоит сделать...

У каждого писателя есть свой потолок. Мы всем дано достигать огромных вершин, на которые с восторженным слухом читатель...

Мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что всех нас по-настоящему волнует...

Если вспомнить, как мы, представители литературы разных национальностей, встретились на I Всесоюзном съезде...

Может ли современная литература не замечать этих великих, потрясающих раз и сердце явлений?

У нас много возможностей для этого, а разве мы этим воспользовались?

У нас много путей для этого. Мы должны сообща подумать, какие из них наиболее действительны.

Кое-что в этом отношении уже сделано некоторыми республиками и в частности, Беларуссией...

Восхищаясь, мы должны сказать, что в белорусской литературе за последние годы произошло нечто необычайное...

Совершенно справедливо некоторые товарищи поднимают вопрос о необходимости организации издательства литературы народов СССР...

В сегодняшних условиях абсолютно необходима перестройка работы правления Союза писателей СССР...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

Наш съезд должен сделать все, чтобы достижения братской литературы становились достоянием широких масс...

этих писателей является оригинальный новаторский почерк писателя.

У некоторых писателей и критиков есть ложное представление о том, что национальный характер будто бы ярче проявляется в изображении исторического прошлого...

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

Истинное новаторство обогащает любую национальную литературу.

нальные литературы, сковывает творческие возможности национального художника, не дает всесторонне развиваться его индивидуальности.

О формах и методах художественного изображения нового человека у нас идут немалые споры.

Особенно это «прокрустово ложе» дает себя знать в определении национальных особенностей характера героя.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Социалистический реализм — явление универсальное в художественном творчестве, оно чужд натурализму.

Для юного поколения. Речь Сергея МИХАЛКОВА (Москва)

Товарищи! Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Там же хотят видеть свою литературу китайские писатели.

Горная вершина мировой литературы. Речь Мао ДУНЯ (Китай)

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Товарищи и друзья! Известие о Третьем всесоюзном съезде советских писателей заставило нас, китайских писателей, как и вас, глубже поразмыслить о советской литературе...

Новаторство и народность

Речь Мирзы ИБРАГИМОВА (Азербайджан)

Товарищи! Каждый из нас, советских писателей, чувствует себя ответственным за всю большую единую многонациональную советскую литературу.

Также важными вопросами художественного творчества, как реализм и народность, новаторство и национальные традиции, волнуют нас всех, ибо без правильного разрешения этих вопросов трудно продвигаться вперед.

Мне хочется сказать о новаторстве. Лишнее содержание жизни и социальная значимость, новаторство — это пустословие, пустоцвет.

Великое практическое значение партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» сказались за последние годы в усилении подлинно новаторских поисков во всей советской литературе.

Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

жизненного, подлинно новаторского опыта советской литературы. К сожалению, у нас очень мало обстоятельных, глубоких обобщений того нового, что выявляется в творчестве наших писателей.

Я предлагаю в решении съезда об этом сказать специально. Ведь мы имеем очень хорошие научные критические кадры, которые могут с достоинством выполнить эту почетную задачу — показать все многообразие новаторства в литературе наших народов.

Богатый опыт многонациональной советской литературы достаточно ярко доказывает, что социалистический реализм создает невиданные возможности для новаторства, для возникновения многообразных художественных форм.

Великое практическое значение партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» сказались за последние годы в усилении подлинно новаторских поисков во всей советской литературе.

Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

Великое практическое значение партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» сказались за последние годы в усилении подлинно новаторских поисков во всей советской литературе.

Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

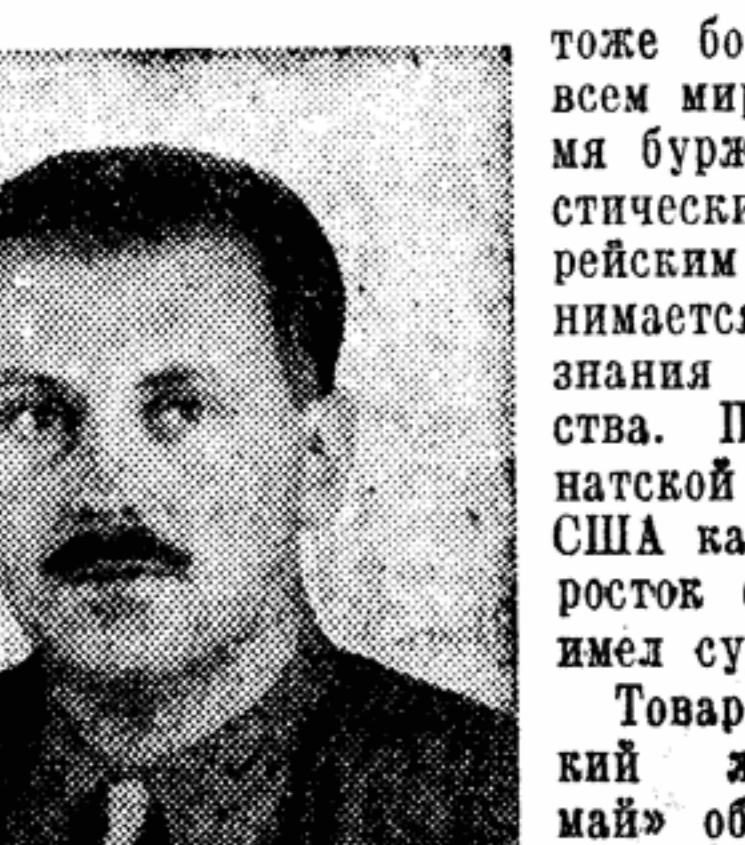
Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

Для успешной борьбы с серостью, с односторонностью, которые также иногда имеют место в нашей литературе, необходима не только острая литературная критика слабых произведений, но и обобщенное положение...

Для юного поколения

Речь Сергея МИХАЛКОВА (Москва)

Товарищи! Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

Идеи коммунизма всегда неразрывно связаны с лучшей о грядущем поколении.

ФЕДОР Глазков считал канцеляристов сомнительными учителями русского языка. К сожалению, канцеляристы не только учителя, но и — прежде всего — творцы того серого, мертвого языка, который так засоряет нашу речь.

Канцеляристы могут гордиться своими успехами. Это им принадлежат словесный мусор, рожденный в недрах протоколов и отчетов: «зачитать» и «выречь», «использовать» и «приприсововетовать», «свино-матка» или «рыбопродукт» вместо «хорошо», «приветливо» и «радостно».

Словотворчество «сухих» канцеляристов не угасает. Вот у вокзала стоят застывшие языческие тележки на рельсах, предназначенные, по всей вероятности, для продажи товаров в развоз. На тележках красиво написано: «Мармитная тележка».

Вот электрический поезд или в просторечии «кактусчика» привез вас из Комарова в Ленинград, и вы слышите, как вокзальное радио melancholично предупреждает: «Прибывшая из Комарова электрическая тележка будет осажена в парк».

В отчетах о работе столовых замесы свежий «термин», позаимствованный работниками общественного питания, видимо, у авиации, «посадочное место». Уже не только пишут, но и говорят так: «Столовая на столько-то посадочных мест».

Николаю РЫЛЕНКОВУ

ЕЩЕ до революции безуспешно пытались получить права гражданства в русском языке знаменитые (де больше были) «кусьмечья с мяня», «раздель галоши», «не играйся с ним» и пр. В литературу проникла лишь «большая половинка».

После прочно вошли в нашу суматошную, неряшливую разговорную речь следующие «перлы»: «вы сумеете ко мне

поддехать?» вместо правильного «вы сможете» — «вы сможете приехать?» и обязательные и уже столь обжитые, домашние, но все-таки отвратительные «заякнуть» (вместо «позвонить»), «подбросить», «подкинуть» (вместо «подвезти» и вместо «дать»). Подкинь на машину. Подкинь мне сто рублей.

Вы приходите в учреждение по делу. Нужный вам товарищ вышел из комнаты, и его сослуживцы предупредительно говорят вам: «Он сейчас пойдет. Или: — Он сейчас пойдеть».

Как будто этот товарищ лишь случайно оказался в учреждении. И редкий человек скажет так, как следовало бы: — Он сейчас пойдеть.

Год назад только еще на юге можно было слышать в очередях — «кто крайний?» Простодушные ленинградцы и москвичи еще не считали унизительным для себя именоваться на одну минуту «последним».

Но, как всякая мода, это словечко с неизмеримой скоростью распространилось все дальше и дальше на север. И вот у нас, в Ленинграде в очередях только единицы стойких людей продолжают мужественно отбивать ничем не зазорное слово «последний».

В речи московской и ленинградской все чаще звучит бывшее до сих пор неупотребительным во множественном числе слово «сплогда».

Лет пятнадцать назад С. Епанчевский в своих азарельно-тонких «Апрельских очерках» писал о южной толпе: «...У нее... свой, вольный, степной, южный язык...» и приводил фразу из ялтинского разговора: «Какие здесь прекрасные погоды!»

ВРЕМЯ ЗОЛОТ

В. ОГНЕВ

В ПЕРВЫЕ годы революции Александр Блок писал: «Страх великого поэта... насыщена духом эпохи; ее ритмы, ее размеры, так же, как ритм и размеры стихов поэта... вдушены ему его временем; ибо в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он «свое» и «не свое».

Сказанное может быть обращено к поэту нашего времени. И то, что подлинный поэт немалым вне чувства современности, и то, что формы поэзии историчны, и то, что объективное содержание неразрывно слито с личностью поэта, и то, что мера таланта («чувствительность») есть в то же самое время и мера органичности выражения права века, и то, наконец, что для подлинного поэта, живущего в бурном веке наравне, — а сегодня советская поэзия не может иметь иного типа поэта, — нет тем «мелких»: на «нейнейшее и интимнейшее стремление души» немалым падает отсвет большой эпохи.

Но, может быть, эти условия применимы лишь к поэтам апокалипсичным? Может быть, в поэтам меньшего масштаба надо подходить к ним, более снисходительными требованиями? Увы, нет. Видимо, история уготовила современному художнику задачу потяжелее, нежели та, что несла «радывые» поэзии в прошлом веке. «Эпохальность», бывшая уделом немногих, особо «чувствительных», становится основой поэтического дарования вообще.

Что такое случилось со мною? Говорю я с тобой одною, А слова мои почему-то Повторяются за стеною, И звучат они в ту же минуту В ближних рощах и дальних пущах, В близлежащих людских жилищах И на всехских пенеплинках, И повсюду среди живущих. Знаешь, в сущности — это не плохо! Расстояние не помеха. Ни для смеха и ни для вздоха. Удивительно мое же зло. Очевидно, такая эпоха!

В этих строчках Леонида Мартынова — не только поэтическое ощущение века радио и космических скоростей. Человек — каждый! — связан со всем миром сегодня тысячами нитей. Советский человек все более становится общественным человеком. Мы и сами порой не замечаем, как далеко ушли в этом отношении от наших предков.

Конечно же, поэту нельзя не слушать время. Революция навсегда разорвала тот замкнутый круг одиночества, который сиюду гражданское поэтическое гением своим должны были преодолевать великие поэты прошлого. Революция дала поэту большую читателя.

Маяковский первый почувствовал новые законы резонанса поэтического слова. И тут самое главное, примечательное: блоковский определение «своего» и «не своего», личного и общественного, для Маяковского и, после него, для советской поэзии, приобретает новый смысл. «Своим» становится «не свое», то есть личным — общественное. Не абстрактный «дух эпохи», а реальное содержание классовой, политической борьбы за победу реальных коммунистических идеалов определяет теперь «ритм и размер» «чуждого» поэта.

Но за спорами о «голосе» Маяковского, о стилистике выплывает та сторона традиции, которая говорит не о звуковом, а о содержательном резонансе слова. И не случайно привел выше стихи Л. Мартынова. Ведь если всевозвестно говорить о дальнейшем развитии русской поэзии после 20-х годов, то надо сказать, что давно уже нет в лучших ее стихах предосторожного разрыва между «личным» шепотком «са тобою одною» и ораторским словом, слышимым «повсюду среди живущих». В этом отношении фраза Маяковского: «Для боя гром, для кровати шопот», — верна сегодня лишь отчасти.

Идейная глубина современной советской поэзии, ее гражданственность есть внутренняя, органически присущая всей поэзии, исторически обусловленная ее черта. Если это понимать не вульгаризаторски, то, вообще не «запрещая» камерных тем и мотивов и нежнейших, «интимнейших стремлений души» (А. Блок), критика все-таки главным напором своим будет считать пафос борьбы за эпическую лирику, за то, чтобы все большее число поэтов вышло своей долг, свое призвание в лирическом выражении тем, общезначимых и современно острого.

когда поэты, далекие от стиха Маяковского, временно переходили на приблизительно маяковский лесенку для того, чтобы сказать о своих зарубежных или иных политических впечатлениях, а потом снова возвращались к «своему» ямбу в темах менее гражданских, камерных, хотя испытанный, рабочий ямб может, как известно, быть «гневым» и непохоже «дробит камень»? Разве по сей день не являемся мы свидетелями странной практики составления многих сборников по тому же принципу: раздел — «общие» темы, раздел — «интимная лирика». И будто разные это люди писали!

В чем же тут дело? По-видимому, в том же, в дурном смысле традиционном, разделении поэзии на стихи «общественные» и «личные», на стихи «ромanticкого» и «стихого» голоса. А между тем это явление не что иное, как архаичное существование, часто несознательное поэтом, раздвоенности человеческой личности, которая могла когда-то прятаться от бурь века в «зеленый дворик маленькой души» (В. Луговской). Но нет сегодня этого дворика! Большой сложный мир плотно окружает нас. И полные поэты не могут этого не понимать.

Я еду. Малый дом со мною, Что каждый в путь с собой берет. А мир огромный за стеною, Как за бортом вода, ревет. Он над моей постелью И по стеклу счет крупно, Дурной безвременной метелью Сытит и вост вразнобой.

Он полон славленной тревоги, Бель, что очереди желет. Он здесь еще слышней, в дороге, Лежашей прямо на востоке...

Сегодня трудно быть поэтом, не глядя за далью — новую даль, за жизнью личности — жизнь народа, за судьбой страны — судьбу будущего человечества. Все, что пишет после войны Александр Твардовский, — это одно развивающееся различие во времени и о себе, как малой части большого целого — народа своего. А «Солнцехорошо», «Середина века» Владимира Луговского — где там «личное», не ставшее «общим», где там философия, не пульсирующая жилкою на виске? Нет такого. Как на маленьком телом экранным в сердце героя эпохи отражен громадный мир современности: судьбы людей и стран, шаги войны, думы нескольких поколений.

Опыт прогрессивных художников XX века подтверждает, что путь поэзии сегодня лежит через лирический синтез всего многообразия жизни. В эпическом характере самой лирики — ее главное направление развития. Творчество Неруды, Химета, Арагона, Элюара, покойного Невазла, Галчицкого, Бронеского бесспорно подтверждает это. Великое движение за мир, объединявшее трудовое большинство человечества в единое дело, — это та сила, которая в первую очередь нелегитимизирует интернациональную общность современной прогрессивной поэзии, задача которой — защита человека, культуры, будущего поколений — не могут не вдохновить поэта, не могут не указать ему главное направление развития лирики.

Больше нет одиночек на свете, Нет больше людей, что прячутся в собственную тайну. На сегодняшнем небе, на завтрашнем небе Людей одна и та же мечта увенчала... Это строки Поля Элюара. А что же ска-

ЗАДАЧИ РЕДАКЦИИ мне сказали: — Не хотите ли поехать в конструкцию авиационных моторов Андрею Константиновичу Ш. Он только что награжден орденом Ленина. Об этом конструкторе надо написать. Перед отъездом обязательно зайдите в Общество изучения жизни. Там вам помогут. — В Обществе изучения жизни? Простите...

— Союз писателей недавно создал такое общество. Мы сейчас туда позвоним. — САДИТЕСЬ. Располагайтесь поудобнее и читайте. У окна на столике выслалась объемистая стопка папок. Я недоверчиво спросил: — Это все для меня? Все об Андрее Константиновиче? — Да. — Гм... Для очерка, пожалуй, многовато... С чего же начинать? — Промотрите все. В этой папке основной материал: рассказ самого Ш. о своей жизни, о своем творческом пути. А тут рассказы и упоминания об Андрее Константиновиче. Это записи бесед с его женой. Это вот стенограмма беседы Чкалова. А это заметка: Туполева, Лавочкина, скульптора Виленского...

— Почему вдруг скульптора? — Дело в том, что Виленский лепил портрет Андрея Константиновича. И нам казалось интересным, чтобы скульптор выразил словами то, что он передает в портрете. Описал бы черты лица, характера... — Замечательно! Чужое дело! — повторял я, раскрывая одну за другой папки. — Это просто материал для целого романа!

В ответ мне сказали: — Наши материалы — результат коллективного, организованного изучения жизни, к какому и призвал Горький. Мы и вас в это дело вовлечем, если не возражаете. — Конечно, не возражаю. А что вы уже сделали? — Собрали немало воспоминаний бывалых людей. И продолжаем это дело? — Кто же проводит все эти беседы? — Сами писатели. В том числе литературная молодежь. Ведь в Литературном институте недавно введен новый предмет — «Изучение жизни». Как, вы об этом не слышали?

ВЫРАЗИВ радостное удивление, я жадно принялся читать стенографическую запись беседы с Андреем Константиновичем. Еще не видел его, я уже хорошо знаком-

Ваш корреспондент потерпел неудачу

Александр БЕК

с ним. Вот первые юмористические изобретения... О, как все это интересно! Страница за страницей я заполнял свой блокнот. Спусти два дня я сел в поезд, уже до некоторой степени вооруженный, знающий облик, мысли, дела, историю человека, о ком мне предстояло написать. Теперь нужна личная встреча, личные впечатления, разговор... И я буду выдавать читателям образ Андрея Константиновича.

НЕТ, ДОРОГИЕ друзья, ничего этого не было. Я не ходил в Общество изучения жизни: его у нас не существует. Прощу извинения за игру фантазии. В действительности же я сел в поезд — так, как обычно отправляется в путь наш брат литератор, рассчитывая на место кое-что увидеть, кое-что услышать и потом написать. Однако при встрече с Ш. я обнаружил, что в его беседах нет ни малейшей поэтической интонации. Это записи бесед с его женой. Это вот стенограмма беседы Чкалова. А это заметка: Туполева, Лавочкина, скульптора Виленского...

Вот как это произошло. Мы встретились с Андреем Константиновичем в его кабинете. Странно, я вдруг увидел, что этот седой человек в генеральском кителе, создатель прославившихся моторов, главный конструктор экспериментального завода, начальник многих сотен людей, испытывает сейчас приступ мучительной застенчивости. Он покраснел; невольно что-то буркнул; глаза под густыми бровями совсем куда-то спрятались. Несколько позже я понял, что он настолько погружен в свое дело, в привычку создания новой машины, что всякое переключение в иную ситуацию, особенно в такую, где он становится объектом наблюдения, требует от него усилия, вызывает юношескую природную застенчивость. Представившись, я изложил мое задание. — Это, Андрей Константинович, очень срочно. — Что же вы от меня хотите? — Попрошу, если вы позволите, уделять мне время для беседы. — Сколько же вам нужно? — Я рисую с вами с завтрашнего дня. — Два-три вечера, часа по полтора.

жалуйста, — я читаю о себе статью. У моей жизни все эти статьи подобраны. — Андрей Константинович, разрешите мне их почитать. — Нет, я вас прошу этого не делать. Мне неприятно, когда их кто-нибудь читает. И, отвечая на мой вопросительный взгляд, он пояснил: — Не из-за ложной скромности... А потому, что все это сделано приблизительно, небрежно, кое-как...

Я взглянул на красивую, блестящую, точную машину, что стояла возле нас, потом снова на Андрея Константиновича и, как мне показалось, уловив в эту минуту суть человека, с которым разговорывал, как выразил ее? В. И. Ленин когда-то писал: «Это разгильдяиство, небрежность, неряшливость, склонность заморачивать дело дискуссионно, работу — разговором, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца...» Так вот, Андрей Константинович — «образованный человек», интеллигент совсем иного рода, который не выносит, ненавидит небрежность, неряшливость, работу кое-как. Он поседел, но довел свою машину до совершенства. Нам ныне следует везет таких людей, умеющих доводить до конца свой замысел, свою мечту.

Однако это опять-таки было лишь схвачено чутьем. Но, может быть, этого уже достаточно, чтобы написать очерк? Я ПОДЕЛИСЯ этим впечатлением, этой мыслью с Андреем Константиновичем. — Нет, не пишете, — сказал он. — Очень вас прошу. Вы же не моментальный фотограф.

Слово за слово мы разговорились. — Почему вы прельщаетесь требованиями на два-три вечера, а не на двенадцать вечеров? — говорил он. — Ведь довелось столько пережить на своем веку. И какой век! А вы...

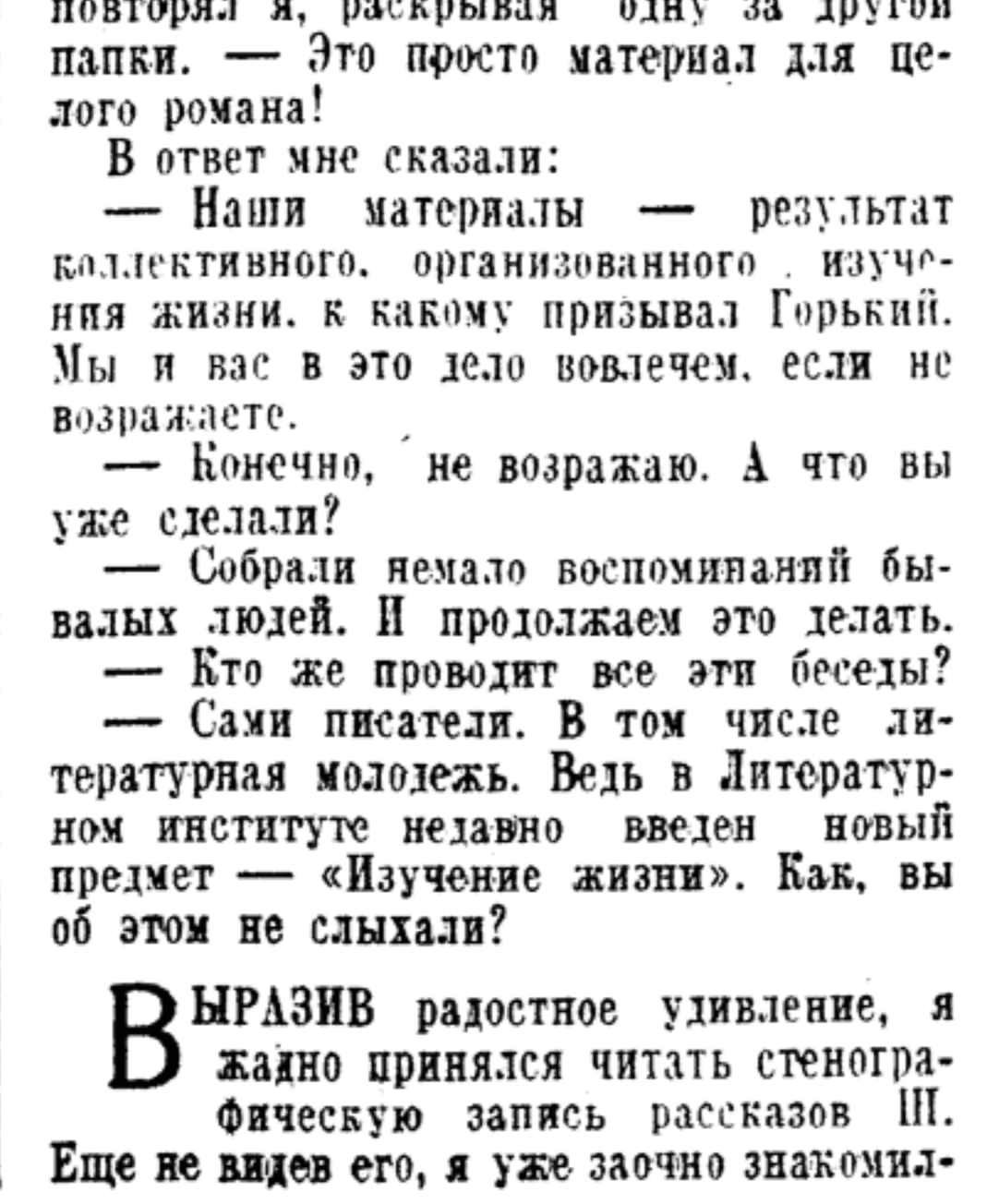
Он не закончил фразы, видимо, чтобы не сказать резкости. — Андрей Константинович, не вы же очень заняты. — Конечно, занят. И, по существу, уже не имею права дальше сидеть с вами. Но случаются и другие времена. Вот скоро я поеду в отпуск...

Дружеские шаржи и эпиграммы

Аркадию КУЛШРЕШОВУ

Дружеские шаржи и эпиграммы

Рисуюн А. Соколов.

ЧУВСТВО ЯЗЫКА

В 1955 г. в сборнике «Вопросы культуры речи».

Что уж говорить о «служителях муз», если и простые смертные стремятся проносить обыкновенные русские слова, как иностранные: жители города Лодейное Поле называют свой город не иначе, как «Лодейное Поле».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ об ударениях. Русский язык, не имея постоянного ударения, доступен, так сказать, всем ветрам. Потому, что ни город — то норв. На севере вас огорошат: пошли, хранить, заготовка, поставка. А на юге — премировать, красивее, стодлар, шестнацать.

В последние пятьдесят лет наши ударения претерпели большие перемены. В 900-х годах вышел в свет «Опыт словаря неправомерностей в русской разговорной речи» В. Долопчева. По словам автора, книга была «внимательно прочитана» академиком Я. Гротом. Ученый комитет министерства просвещения одобрил «Опыт словаря» в качестве учебного пособия.

Для того чтобы проследить судьбу ударений за полвека, я взял на выбор из словаря Долопчева несколько слов (количество примеров можно было бы умножить). Правильными автор считал: просека, нарост, пахота, пошиб, разоружить — и неправильными: просека, нарост, пахота, пошиб, разоружить.

Теперь десять в орфографических словарях (например, у А. Иванова) эти же слова были показаны уже и с тем, и с другим ударением. А в современном словаре Института языкознания под редакцией С. Ожегова и А. Шапиро правильными признаны: просека, нарост, пахота, пошиб, разоружить.

Итак, что пятьдесят лет назад считалось неправильным, сегодня признано законным.

Потому все справедливые возмущения тех, кто возражает против ударений вроде: «повозним», «зём», «отчисти», по всей вероятности, ни к чему. Сколько бы мы ни модали копий и ни били себя от благородного негодования в грудь, дела не поправим. Лет через десять в очередном издании орфографического словаря к глаголу «звонить» будет дано в скобках («повозним»). Известен един-

ственный случай, когда уже повсеместно принятое, вполне прижившееся, хотя в корне неверное ударение было убито одной удачной строчкой поэта. Я имею в виду слово «молодежь». Еще в двадцатые годы это слово, без значения украинского «молодь», стало произноситься с невероятным ударением «моладежь».

Дикое, режущее слух ударение сделало модным и распространилось все шире. Это продолжалось до тех пор, пока поэт Л. Ошанин не написал замечательный «Гимн демократической молодежи», в котором поэт:

Песню дружбы запевае молодежь.

Песня (а с нею правильное ударение в слове «молодежь») получила такое небывалое распространение, что, к удивлению репатриентов чистоты русского языка, безобразное, чуждое языку «моладежь» исчезло, будем надеяться, навсегда.

МЫ ВСЕ любим наш замечательный русский язык, но не все и не всегда обращаемся с ним бережно и уважительно.

На собраниях интеллигенции можно услышать, как почтенный оратор говорит, не моргнув глазом:

— Мы видим о том...
— Я считаю о том...

Однажды на пионерском слете я слышал, как молодая учительница спрашивала у школьников:

— Ты делегатка или приглашительная?

Насколько небрежно и неряшливо еще говорим мы!

Когда свой родной язык коверкает какой-либо малограмотный, мало читавший человек, к нему предъявлять претензии трудно.

Если же студентка говорит подруге: «Пойдем в буфет — я сегодня не успела заправиться...», или инженер на собрании заявляет: «Мы будем колатайствовать!», — вот этих товарищей надо судить «по всей строгости». Но бывает случай более возмутительный: родной язык сознательно портят хорошо грамотные люди. Так произошло в Дегтисе, который издал в серии «Школьная библио-

тека» русские пословицы под заглавием «Мудрое слово». Составила сборник А. Разумов и редактировала его не один, а два «ответственных редактора» — В. Лунин и М. Муспенко. Несмотря на такое обилие лиц, отвечающих за книгу, на стр. 127 «Мудрого слова», под видом поговорки, нашло место фразы из пошлейшего анекдота, к тому же выраженной совершенно не по-русски. Вот она: «Об прыгнуть не может быть и речи, речь идет, как бы слезть».

Что такое «мудрого» в этой фразе Дегтиса, издавший книгу «для старшего школьного возраста» тиражом в двести пятьдесят тысяч экземпляров?

ЗАПРЕТИТЬ указом употребляют то или иное слово нельзя. Даже если оно явно неудачно, как, например, «пловчиха», образованное по типу «зайчиха», «секаха» «слониха».

Вите в своих воспоминаниях пишет о том, как Николай П хотел вычеркнуть из словаря Академии наук ненавистное ему слово «интеллигенция». Но все-таки даже Николай П понял, что это не даст результата: на чужой роток не накинешь платок!

Потому усилия пуритов, упрямо отстаивающих неизменность языка и языковых форм, несостоятельны, чтобы не сказать больше.

Можно представить, как семидесят лет назад возмущались пуриты, когда Чехов написал в рассказе «Володя»: «...Ему предстояло держать экзамен по математике». Ведь они привыкли слышать и видеть: «из математики». «...Завтра экзамен из предмета, в котором целых два вопроса», — писал Лев Толстой в повести «Юность».

Не стоит уподобляться французскому философу Пьеру Роше-Коллару, который возражал против включения в академический словарь глагола «baser» и запальчиво сказал:

— Если это слово войдет, я выйду! Несмотря на такую страшную угрозу, глагол все-таки благополучно вошел в словарь.

Вообще противостоят новым словам только потому, что они непривычны, — занятие наиболее ипусторожное.

Но с лексическим сорняком, лезущим изов все щелей, со старыми штампами, которые насаждаются канцеляристами, бороться все, кому дороги судьбы родного языка.

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ, ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ

Юлино ЧЕПУРИНУ

Рисунки И. Игуна

Николаю БРАУНУ

Рисунки Н. Лисогорского. Тексты Евг. Ильина

НЕСЧАСТНЫЙ СЧАСТЛИВЕЦ

И я плыву, плыву в подводных чащах, плыву я, воду ластими крою, и я несчастный стог, что несчастлив, и снова счастлива, что несчастлив я.
Е. ЕВТУШЕНКО, «Маша»

Читает стих с большим трудом читает И много раз штурдурет его... И кажется: он что-то понимает, Но он не понимает ничего!
Мих. ПУСТЫННИН

УКОРОЧЕННЫЕ БАСНИ

С. В. Смирнову

СВЕРЧОК И САЧОК

Один Сверчок Полая в сачок.

Соразмеряйте свой скачок!

ОДУВАНЧИК И РОМАШКА

Ромашку встретил Одуванчик, И вместе сели на диванчик. Как вдруг раздался страшный треск:

Диванчик сделал Мисдрестрест.

ТРИТОН И ПРИТОН

Один Тритон Пришел в притон.

Не будь, Тритон, стубо глух: Ты не в притон ходи, а в клуб! Мих. ПУСТЫННИН

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Нет у меня ни братьев, ни сестры. И не было. Простить так простить, ну-ка! Без внука не жизнь мне, а мука.

К. ВАНШЕННИН

Меня у меня да дети, Но как-то мне кисло на свете... Забыла судьба о поэте.

Синю и тоску нахмурил: Где зять мой? Где деверь? Где шурич? Без шурина мир так мишурен...

Сымазлства жиня у без внука, Пронить так простить, ну-ка! Без внука не жизнь мне, а мука.

Концы не спону я с концями... А мог бы и быть близнядами... Трое-четыре молодцами...

Сиврапо насупленн брови, Сиврови я мышкун! Сиврович! Де боли, де дрожи, де крови!

А. РАСКИН

ПОЭТ-МАРИНИСТ

На флоте он служил... Но почему тогда В его стихах подчас Лишь... пресная вода?

Марк ШЕХТЕР

Юношачье. Начало на 3-й стр.

Любопытно, что образование новых слов (не только глаголов, но и существительных, наречий и пр.) часто происходит при помощи этой же счастливой приставки. Так произошло уже упоминавшееся «казоквертовывать» и не менее чудовищное существительное «зарыбление».

Во в этом ли кроется секрет сплошного распространения слова «зарыбление», потому что на фоне многочисленных «за-за» слово «просто» начало восприниматься некоторыми как устаревшее? Истинно ради приходится сказать, что весьма ходкий у нас глагол «зачитывать» (в значении «прочитать») возник еще до революции: в стенографических отчетах Государственной думы он встречается на каждом шагу.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, и в языке существуют «мода». Есть «модные» слова, например не так давно появившееся прилагательное «цветастый» (большинство беллетристов уже не скажет по-старинке «цветистый луг», а непременно «цветастый»), как к слову «багаж» обязательно прибавят «снехатрий», а «офицер» всегда у них «подтянутый»). Есть модные выражения, например своеобразное использование местоимения тот, та, то. Вот:

— Иван Иванович — тот человек!
— Она — та женщина!
— Это — то место!

Нарочито многозначительное подчеркивание местоимения придает пронырливую отрицательную характеристику лицу или предмету, о которых говорят.

Совершенно повсеместным, повальным стали вопросительные интонация в простой беседе. В вагоне электрички женщина нетерпеливо, спокойной рассказывала соседкам:

— У меня есть брат... Та-а-а-а?
— Он служит в Риге инженером... Та-а-а-а?
— Он живет на пятом этаже... Та-а-а-а?

После каждой коротенькой фразы рассказчица обязательно ставит неужное «так». Слово сомневается, верят ли ей слушатели, что у нее есть брат-инженер, который служит в Риге и живет на пятом этаже. Эту косноязычную, неряшливую (но модную!) речь мы слышим всюду и отов всех, не исключая и братьев-писателей.

Мы совсем разучились склонять числительные. Это легко проверить на любом собрании. Рекий оратор рискует произнести даже трехзначное число в другом падеже, кроме именительного. К примеру, если докладчику надо сказать, что двумстам восьмидесяти трем человекам сделаны такие-то правки, то, в лучшем случае, эта фраза будет звучать так:

— Двести восемьдесят трем человекам и т. д.

Оперируя цифрами, ораторы любят употребить совершенно лишнее слово «порядок», напрасно замаскированное из математики. Когда математик говорит: «Бывшая такого-то порядка», — это слово на месте. Но без него можно легко обойтись в житейской фразе: «Ремонт составил сумму в тридцать пять тысяч рублей».

И тем не менее докладчики не забывают вставить сакральное слово в эту простую фразу и говорят:

— Ремонт составил сумму порядка тридцати пяти тысяч рублей.

Б. Н. Тимофеев в двух весьма поучительных статьях, напечатанных в журнале «Звезда» (№ 4 за 1957 г. и № 2 за 1958 г.) привел много интересных, тонко подмеченных примеров неряшливости и засоренности нашего современного языка. Мне хочется прибавить несколько слов к тому, что сказал мой товарищ.

Говоря о названии ленинградских улиц, следует вспомнить о неудачном переименовании «Театральной» в «улицу Золотого Роста». Архаичное слово «Золотый» и, к сожалению, мало известная широким кругам фамилия знаменитого Роста слились в одно, совершенно лишнее смысла, какое-то зауныное «Зочирост».

Я несколько раз слышал, как спрашивали:

— Как пройти на улицу Зочирост?

Не украшает язык и сокращенное название Центрального парка культуры и отдыха, трудно произносимое «Шылкино». Но проще и было бы называть «Центральный парк».

К «шлему», указанному Б. Н. Тимофеевым, я могу присоединить такое же военное «генераль».

А в словах, в которых из-за пушистости «е» произносится манерно, как «э», приведу «басадку», услышанную на концерте самодельности. Конечно, молодая исполнительница поразила своим старшим товарищам-профессионалам: ведь поют же известные певцы «корзат» и «брюнат», о чем так исчерпывающе сказано в статье А. Реформатского «Речь и музыка в пении», напечатанной

в журнале «Искусство».

В. Н. Тимофеев в двух весьма поучительных статьях, напечатанных в журнале «Звезда» (№ 4 за 1957 г. и № 2 за 1958 г.) привел много интересных, тонко подмеченных примеров неряшливости и засоренности нашего современного языка. Мне хочется прибавить несколько слов к тому, что сказал мой товарищ.

Говоря о названии ленинградских улиц, следует вспомнить о неудачном переименовании «Театральной» в «улицу Золотого Роста». Архаичное слово «Золотый» и, к сожалению, мало известная широким кругам фамилия знаменитого Роста слились в одно, совершенно лишнее смысла, какое-то зауныное «Зочирост».

Я несколько раз слышал, как спрашивали:

— Как пройти на улицу Зочирост?

Не украшает язык и сокращенное название Центрального парка культуры и отдыха, трудно произносимое «Шылкино». Но проще и было бы называть «Центральный парк».

К «шлему», указанному Б. Н. Тимофеевым, я могу присоединить такое же военное «генераль».

А в словах, в которых из-за пушистости «е» произносится манерно, как «э», приведу «басадку», услышанную на концерте самодельности. Конечно, молодая исполнительница поразила своим старшим товарищам-профессионалам: ведь поют же известные певцы «корзат» и «брюнат», о чем так исчерпывающе сказано в статье А. Реформатского «Речь и музыка в пении», напечатанной

в журнале «Искусство».

В. Н. Тимофеев в двух весьма поучительных статьях, напечатанных в журнале «Звезда» (№ 4 за 1957 г. и № 2 за 1958 г.) привел много интересных, тонко подмеченных примеров неряшливости и засоренности нашего современного языка. Мне хочется прибавить несколько слов к тому, что сказал мой товарищ.

Говоря о названии ленинградских улиц, следует вспомнить о неудачном переименовании «Театральной» в «улицу Золотого Роста». Архаичное слово «Золотый» и, к сожалению, мало известная широким кругам фамилия знаменитого Роста слились в одно, совершенно лишнее смысла, какое-то зауныное «Зочирост».

Я несколько раз слышал, как спрашивали:

— Как пройти на улицу Зочирост?

Не украшает язык и сокращенное название Центрального парка культуры и отдыха, трудно произносимое «Шылкино». Но проще и было бы называть «Центральный парк».

К «шлему», указанному Б. Н. Тимофеевым, я могу присоединить такое же военное «генераль».

А в словах, в которых из-за пушистости «е» произносится манерно, как «э», приведу «басадку», услышанную на концерте самодельности. Конечно, молодая исполнительница поразила своим старшим товарищам-профессионалам: ведь поют же известные певцы «корзат» и «брюнат», о чем так исчерпывающе сказано в статье А. Реформатского «Речь и музыка в пении», напечатанной

в журнале «Искусство».

В. Н. Тимофеев в двух весьма поучительных статьях, напечатанных в журнале «Звезда» (№ 4 за 1957 г. и № 2 за 1958 г.) привел много интересных, тонко подмеченных примеров неряшливости и засоренности нашего современного языка. Мне хочется прибавить несколько слов к тому, что сказал мой товарищ.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

КАЖДАЯ фраза, каждое слово, запятая и точка в писательском тексте говорят читателю значительнее, чем мы, пишущие, предполагаем. Они раскрывают перед читателем не только содержание книги, но и то душевное состояние, каким был полн автор, когда ее создавал, — частоту его помыслов или, наоборот, его приспособленность, широту его кругозора или злобешую скудость мысли, повсюдность знание народной жизни или полноту и потому отнюдь не крикливую связь со своим народом.

Все написанное писателем очень точно показывает его и с хорошей, и с дурной стороны. Поэтому писатель никак не может спрятать от народа свое лицо, как бы он этого ни хотел. Он получает именно ту народную оценку, какую заслуживает.

Все это следует знать тем деятелям литературы и критикам, которые берут на себя право говорить от имени народа.

Представление о связи писателя с народом бывает у нас несколько странное. Связь эта, конечно, искусственно не создается. Никакие писательские командировки не помогут, если нельз этих командировок будут исключительно «наблюдательские» задачи, нарочито изучение народной жизни — обязательное выпрашивание людей об их делах и работе, присутствие на собраниях, равно как и все остальные виды «любытского» и туристического ознакомления с народом для сбора подходящего литературного материала.

С народом надо жить слитной жизнью, болеть его болями и радоваться его счастью. Надо быть неотделимым от народа, как были неотделимы от него наши современники — Горький, Пришвин, Малышкин, Алексей Толстой, как неотделим Шолохов.

Настоящие, полные писатели во все времена и во всех странах всегда участвовали у народа и были органически связаны с ним. Иначе быть не могло. И быть, конечно, не может. Это истина неопровержимая и старая, как мир.

В противном случае не существовало бы литературы, поэзии, живописи, за исключением нескольких неологовических искусственных течений или «экзоты». Эти «экзоты» рождаются не в жилой струю народной жизни, а в табачно-дымных спорах артистической молодежи. В них почти все — от браваты, а не от велений сердца.

Эти «экзоты» в первую голову — дети экстравагантного Парижа и Америки. За пределами колыха парижских фортификаций они теряют свой блеск, почву и выглядят нарочито и несчастливы. Но даже все эти крайности (сurrealism, dadaism, декадансы и другие «экзоты») являются, по существу, вполне нормальными петушиным залором молодежи. Нет никаких оснований бить в набат и впадать в крикливую панику, ибо молодой залор полезен, — он не позволяет старшему поколению запылять жиром и считать себя непорочным и «неприкасаемым».

Назовите в нашей литературе XIX и XX веков хотя бы десятка писателей, совершенно не связанных с народом. Я говорю о писателях вообще, не разделяя их на «серious» и «чужих», на положительных и отрицательных. У кого из писателей нет ни на йоту народных корней и «общественности», как говорила в прошлом веке?

Таких писателей почти нет. Если в последнее время возникают разговоры о полном отрыве писателей от народа, то следует выяснить, действительно ли являются писателями те люди, которых я этому обязую.

Как я уже говорил, текст выдает писателя с головой. Поэтому жалкой бывает судьба писателя, поступившегося правдой во имя далеких из литературы соображений. Народ все видит, все понимает с полуслова и никогда не простит писателя, как бы талантлив он ни был, ни фальшив, ни обман.

Ничто так жестоко не оскорбляет человека, как авторское лицемерие. Потому что читатель справедливо убежден, что писательство — это не профессия, а жиз-

БЕССПОРНЫЕ И СПОРНЫЕ МЫСЛИ

СРЕДИ писателей и критиков, призванных своей профессией к интеллектуальной деятельности, все еще живет некоторое количество прерасудков и ложных мыслей. Есть невинные прерасудки, но есть и вредные.

Приведу здесь всего два-три примера таких прерасудков или, вернее, ложных идей, мешающих свободному развитию литературы. Вы знаете, конечно, что циркачи, убегая с арены, делают реверансы зрителям и посылают им оборотительные воздушные поцелуи. На языке циркачей это называется «делать публике комплимент».

Так вот, писатели тоже посылают читателям свой «комплимент». Заключается он прежде всего в приторно благополучных конхах и в том, что мера светлых и темных красок в книге строго взвешивается с преобладанием светлых (голубеньких и розовых) тонов.

Хорошо, что Лев Толстой успел написать «Анну Каренину» до появления этой традиции. Он не должен был никому, даже вздетелю, делать «комплимент» и позволил Анне разрушить семью и умереть из чисто личных и потому непристойных соображений.

Не принято писать о недостатках, как бы они ни были вредны для нашей общественной жизни, не делая перед ней извинительного «комплимента», не упомянув о наших достижениях. Этот последний «комплимент» совершается с таким упорством, будто бы надо каждому советскому читателю доказать преимущества нашего строя (это на сорок втором году его существования) перед строем капиталистическим, будто бы мы сами в этом сомневаемся и удивляемся этому, как некоему неправомерному чуду.

Это — один прерасудок, одна неумная и обременительная традиция. Второй вредная традиция — нежелание писать о страданиях, боясь даже намека на грусть, будто вся наша жизнь должна нести под карамельным небом, под бойрым (божарским) смех «бобвинных» мужчин и женщин.

В некоторых книгах, но особенно в фильмах (посмотрите, к примеру, картину «У такой пристани»), на полотнах инных художников и даже на фотографиях (особенно на широких известных немоточивых семейных идиаллах на разворотах тонких журналов) мы часто видим прямолинейно изображенных, приятных людей. Они по милости создателей книг лишены способности самостоятельно мыслить. У них эта способность, по велению авторов, просто атрофировалась за ненадобностью. Они знают назубок канонизированную этими авторами «сетку» добра и зла. Они никогда не колеблются и ни в чем не ошибаются, потому что у них пустое сердце. Умалются они только тем, чем, по разумению автора, «положено» умиляться.

Такое в понимании некоторых писателей идеал нашего человека. Его они протаскивают в книги изо всех сил.

Нельз существовать в литературе тем, кто пытается сочетать служение полуправде и полуправды со служением своему благополучию.

Может быть, мы так много и громко кричим о правде в литературе именно потому, что ее нам не хватает.

Как я уже говорил, текст выдает писателя с головой. Поэтому жалкой бывает судьба писателя, поступившегося правдой во имя далеких из литературы соображений. Народ все видит, все понимает с полуслова и никогда не простит писателя, как бы талантлив он ни был, ни фальшив, ни обман.

Ничто так жестоко не оскорбляет человека, как авторское лицемерие. Потому что читатель справедливо убежден, что писательство — это не профессия, а жиз-

ненное призвание. Читатель убежден, что каждый настоящий писатель в то же время и борец за истину, справедливость и разум и что он готов на величайшие жертвы во имя торжества своих идей.

Так ли это на самом деле? В применении к большинству писателей это верно. Но, к сожалению, мы не можем утверждать, что писательская среда целиком обладает высокими моральными качествами.

ПРОИЗВОЛЬНОЕ и вульгарное толкование критикой простого понятия «современность» не дает нашей литературе необходимого ей разнообразия и простора.

Я глубоко убежден в том, что современным в литературе и вообще в искусстве является все, что служит формированию и росту человека коммунистического общества. Это — кристаллическая ясная формула. В противовес этому всеобъемлемому толкованию существует другое. Современным можно назвать, говорит оно, лишь то, что связано с текущим днем и его задачами, лишь то, что по существу злобно.

При таком взгляде на современность отбрасывается в сторону вся многовековая, в частности революционная, история страны и отбрасывается в небытие ее великая культура — одна из основ для создания культуры новой, чисто социалистической.

В том единственно правильном понимании современности, о котором сказано выше, «Тарас Бульба» существует с полной силой воздействия на людей рядом с «Тихим Доном», а «Война и мир» — с повестью Гроссмана «Народ бессмертен».

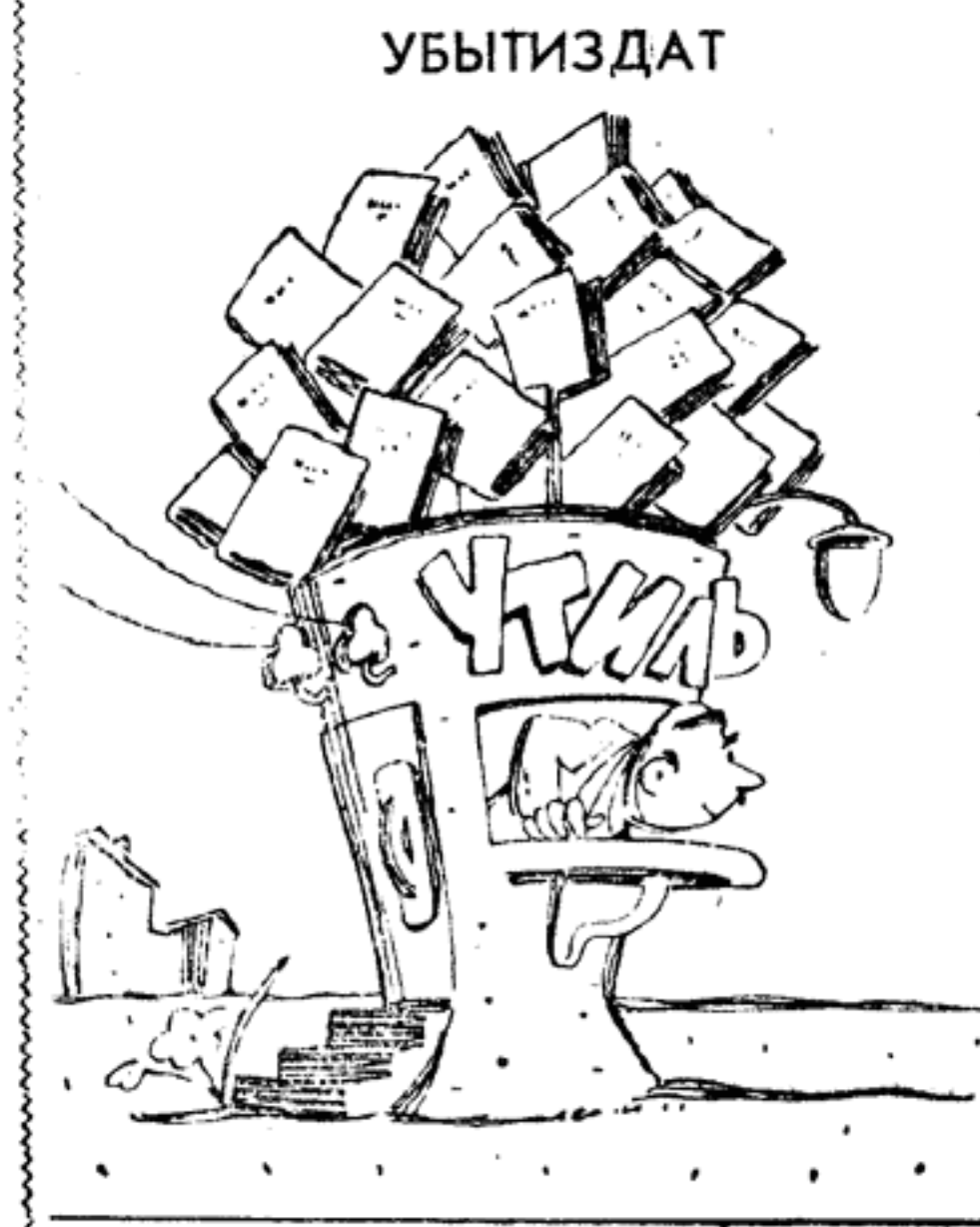
Можно уговорить писателя заменить современность злобностью, но тогда у нас не будет литературы в полном значении этого слова. Будет хроника, хорошая публицистика, беллетризованная газета, скоростная повесть, скоростной и потому спортивный роман. Неужели мы настолько бедны писательскими силами и беспомощны, что у нашей литературы не хватит сил, чтобы дать много прекрасных книг во всех временных отношениях и жанрах, но современных по духу и мысли? К чему нам сознательно обижать нашу литературу?

Вполне законный вопрос: Пушкин — наш современник по духу или в этом отношении он нам совершенно чужд? Наши ли современники Шекспир и Гейне, Сервантес и Стендаль?

Надо думать, что они наши истинные современники. Дело писателя — силой таланта, силой творческой своей остроты воскресить великих людей любого времени и любой страны, чтобы они стали нам бесконечно близки и понятны, чтобы мы слышали дыхание Стендаля и прикоснулись к смеху Гейне. Дело писателя — дать им настоящее бессмертие. С этой точки зрения жизнь не только как творцы, но и как близкие друзья и помощники каждого из нас. Они научат жить и обогатят нас. Тем и величием нашего времени, что оно берет из многовековой человеческой культуры все самое лучшее. Оно не хоронит эти ценности, сверхкакие эпохы века, под пыльной неслезной завесой. Переволом людям успешных поколений есть что предьявлять для входа в коммунистическое общество.

Нельз нарушать мысль Ленина о том, что человек коммунистического общества должен владеть всеми достижениями мировой культуры. Нельз нарушать великие заветы, оправдывавшиеся важными делами сегодняшнего дня. Особенно потому, что и сегодняшняя жизнь мы живем не только ради него одного, но и ради будущего.

Все это — простейшие мысли. Их нельз повторять — настолько они общезвестны. Но повторять их все же

Изданы — И стали. Рисунки И. Оффенгенда. Текст И. Шаферана.

Выступления участников съезда

За мастерство!

Речь Ираклия АБАШИДЗЕ (Грузия)

НАШ III СЪЕЗД можно назвать перспективным, он устремлен в будущее, он призван осмыслить большие задачи, которые поставлены партией и народом в семилетку. Никак нельзя преуменьшить значение нашей писательской работы в деле выполнения этих задач. Партия не только высоко оценивает значение нашей работы, но и показывает тот единственно правильный путь, идя по которому мы сможем работать с наибольшей эффективностью, с наибольшей, что называется, полезным коэффициентом. Этот путь — путь еще более тесной связи литературы с жизнью народа.

Мы, советские писатели, умом и сердцем восприняли эту программу. Это показала, в частности, республиканские съезды писателей. Это покажет и наш всесоюзный съезд.

О больших общеполитических задачах советских писателей в семилетку в докладе А. А. Суркова сказано верно и, на мой взгляд, достаточно полно. Я хочу остановиться на нескольких вопросах, которые, по моему впечатлению, носят организационный характер, но по сути имеют отношение к самым первоочередным творческим делам и проблемам.

О смысле и назначении Союза писателей СССР. Зачем он нам нужен, чем он должен заниматься после создания Союза писателей РСФСР, чем, главным образом, должна быть занята наша так называемая «внутрисоюзная писательская жизнь»? Я думаю, не будет лишним привести на этот счет очень точные слова А. А. Фадеева: «Надо помнить, что смысл работы Союза писателей — не в засадебской «суете сует», а в том, чтобы способствовать созданию хороших художественных произведений». Нельзя, конечно, сказать, что в нашем союзе не проводилось такого рода мероприятия общесоюзного — я это подчеркиваю — масштаба. Такие мероприятия были. Например, III пленум правления способствовал укреплению идейного единства рядов советских литераторов. И все же наиболее существенный недостаток наших заседаний и собраний — отсутствующая острота от живого литературного процесса, от конкретных книг — остается в силе.

Почему мы не можем сделать постоянной формой нашей работы общесоюзные или межреспубликанские литературные совещания — не вообще о литературе за несколько лет, но о поэзии вообще, а определеннее — о судьбах тех или иных жанров и даже об отдельных произведениях?

Нам обязательно следует обсудить вопрос о резком поднятии качества нашей литературы. Не просто призывая к повышению этого качества, а конкретно проанализировав, поспорилив о разных сторонах этого вопроса.

Вот одна из сторон. Некоторые товарищи считают, что раз отличительным качеством нашей литературы является ее народность, то это значит, что литературная «продукция» должна быть «простой». Давайте разберемся в этой «простоте». Что мы под ней подразумеваем? Высокую простоту искусства, где все на месте и ничего нельзя добавить или убрать, то есть высокое совершенство, высокую культуру, далекую от примитива и враждебную формалистической изощренности! Но на практике разве нет случаев, когда под простотой подразумевают лжнародность, суровость, примитив, слащавость? Разобраться в вопросе о подлинно художественной простоте, по моему, очень важно для дальнейшего развития нашей литературы. Это особенно важно как раз сегодня, сейчас, в семилетку.

На Западе поэзия, связанная с буржуазным мировосприятием, зашла в тупик камерности, декаданса, а бы сказал, кибретичности, неопушленности, — будто стихи пишет не человек, а хотя и умная, но бездушная машина. Сторонники и любители такой литературы обвиняют нас в отсутствии мастерства. Что же мы делаем? Мы защищаемся. Но как мы это делаем? Нужно ли защищать от пренебрежительных нападок высокое искусство, скажем, Твардовского, Г. Ткача, Исаковского, Рыльского, Вургуна, Волося? Как говорить, имеющий очи да видит! Нечего нам «оправдываться»!

Но, с другой стороны, нечего нам и «оправдывать» свои слабости. Ни перед собой, ни перед нашими друзьями, ни перед кем. А такие ноты нег-нет да и услышишь в нашей среде, в нашей критике.

Хочу привести пример. В журнале «Иностранная литература» была не так давно напечатана хорошая, полезная статья Ю. Борева о французском репюэтизме. И вот я наткнулся на такие

Зарубежные гости на III съезде писателей СССР. Слева направо: Д. Бёлин (Венгрия), Ф. Янкович (Венгрия), М. Алката (Италия), Г. Толпан (Венгрия) и Н. Добош (Венгрия).

«Литература прошлого», — пишет Ю. Боров, — сотни лет накапливала технические приемы, средства, навыки для изображения ревности и любви, чувства зависти и стязательства, героизма и самопожертвования и т. д. Но литература, особенно в стране победившего социализма, столкнувшись с целой ралугой новых многогранных чувств, мыслей, деяний, рожденных качественным своеобразием социалистического бытия человека... Плохо ли, хорошо ли (подчеркнуто мной. — И. А.) наша литература отражает все это — сейчас спор идет о другом: о принципиальном новаторстве нашей литературы, и если советским художникам не всегда удается изобразить жизнь так глубоко, как они бы сами того хотели, то это объясняется не влиянием классических нормативов, а исторической новизной того дела, которое они делают».

Конечно, классика не виновата в наших слабостях. И, конечно, основа новаторства нашей литературы — в исторической новизне наших проблем и в историческом значении нового человека, советского человека с его новым мироощущением. Но для исторического значения «дела, которое мы делаем», никогда не было безразлично, «плохо ли, хорошо ли» оно делается. Такая извиняющаяся оговорка — не на пользу нам. Лучшие наши писатели вовсе не «плохо ли, хорошо ли», а именно хорошо, высокохудожественно выражают своими книгами историческую новизну советской литературы. Они не нуждаются в защите, они активно утверждают величие советской литературы. А плохие нам защищать нечего.

Говорят, что литература не создается единицами, гениями. Конечно, в целом она создается не единицами. Но большая литература, та, которая переживает века, создается всегда яркими писательскими индивидуальностями, крупными творческими «единицами», которые с наибольшей силой представляют ее.

Несомненно, что так называемые «средние» писатели должны работать над собой, чтобы стать «ведущими», должны вырастать в мастеров, которых у нас еще далеко не так много, как нужно. Мы не имеем права ориентироваться на «среднего» писателя, на среднюю литературу.

А на какого читателя ориентироваться нам? Взять взаимоотношения поэзии и читателя. Не все читатели читают стихи. Их читает определенный круг людей, и много те, кто любит поэзию, кто ее понимает. Этот круг все время расширяется — на радость нам, поэтам. Этот круг очень большой, многомиллионный. Высоким вкусом этих читателей определяются высокие требования к нашей поэзии. На этот высокий вкус и надо нам ориентироваться.

Вот решение проблемы «простоты». Не есть читатели, плохо понимающие поэзию. В этом виноваты мы, товарищи писатели. Каждая плохая наша книжка бьет по настоящему вкусу, снижает вкус читателя, низводит его до ширпотреба.

Так что проблема мастерства есть проблема эстетического воспитания народа. Поэтому ей нужно уделить особое внимание.

Есть и другие вопросы, которым можно было бы посвятить, например, пленум правления. Почему бы не устроить творческое обсуждение современного опыта поэмы? Поэмы пишут везде — и на Украине, и в России, и в Средней Азии, и в Закавказье. Давайте разберемся в написанном.

Я, например, считаю, что эпическая поэма в чистом виде уходит в прошлое. Мой друг, таджикский поэт Мирзо Турсунзаде, возражал мне недавно в «Литературной газете»; опираясь на опыт современной таджикской поэзии, он защищал эпическую линию в поэме. Конечно, здесь не место вдаваться в подробный спор. Но почему его не вывести на обсуждение поэтов разных республик специально? Спор опираясь бы на конкретный материал и принес бы, я думаю, большую пользу для творчества. Дискутировать нам надо конкретно, чтобы решить какие-то вопросы, придти к истине, а не делать вид, что мы дискутируем, как это получилось во многом в предсъездовских трибунах некоторых наших органов печати.

Вот об этих так называемых «организационных» вопросах мне и хотелось сказать съезду. Давайте уделите им больше внимания, давайте создадим в нашей всесоюзной организации атмосферу деловой творческой дружбы!

Пусть наш съезд будет поворотным пунктом в борьбе за высокое качество нашей литературы! (Аплодисменты).

Голос эпохи

Речь Афанасия САЛЫНСКОГО (Москва)

В ПЬЕСЕ одного молодого драматурга, участника Всесоюзного семинара, который проходил недавно, героиня на трие суток исчезает из совхоза, где она работает, а когда возвращается, рассказывает, что за эти трие суток она успела из отдаленнейшего уголка Сибири добраться до Москвы, побывать в Горках Ленинских, познакомиться с опытом (она животновод) и вернуться обратно. Эти трие суток были чрезвычайно наполненными, это был конденсированный кусок ее жизни. А когда ее спрашивают о том, как она успела уложиться в трие суток, героиня отвечает, что очень мало времени ушло на дорогу, она летала на «ТУ-104»... Маленькая, упрямая женщина садится на невероятный летательный аппарат и мчится совещаться с учеными в Горки Ленинские!

Герой нашего времени, мыслящий по-новому, дерзновенно и глубоко, живущий судьбой своей страны и всего мира, — это герой нашего общества, герой новой эпохи.

Когда я думаю о герое нашей литературы и, в частности как драматург, о герое современной драмы, передо мной встает ряд вопросов, которые кажутся мне принципиально важными.

Что определяет сущность героя нашей литературы? Что нового он несет в себе как человек, которого в истории общества? Те ли это черты, которые могут быть общими и для него, этого нового человека, и для человека старого мира, человека Запада?

Эти вопросы я ставлю в связи с тем, что в некоторых произведениях драматургии и кино проявляются у нас элементы некритического освоения опыта зарубежного искусства, и в частности неореализма.

Безусловно, множеством общих человеческих черт герой современной советской литературы связан с литературным героем Запада. Это понятно, это закономерно. Мы живем на одной планете, и естество человеческое выражается в общем, независимо от того, жителем какого континента человек является. Однако — и это главное — герой советской литературы будет вызывать все больший и больший интерес у западного читателя только тогда, когда этот западный читатель увидит не один лишь общие с ним черты, а будет потрясен необыкновенной для него новизной психологии героя советской литературы. На первый план мы должны вывести и в полную меру мастерства изобразить коллективиста, самоотверженного творца нашей жизни.

Я думаю, что решающие усилия наших драматургов, прозаиков, в конце концов всех литераторов, должны быть обращены на создание такого героя, который олицетворял бы лучшие черты человека нашего общества.

Определяющая черта героя нашей современности — это его дерзновенная активность в перестройке жизни на лучших коммунистических началах. Однако во многих пьесах герой не наступает, а обороняется. Люди же, настроенные обывательски, по существу, мещане, активно ведут действие. Удивительное для наших дней «смещение», а ведь как часто подобное «смещение» встречается в наших пьесах! Мы ищем об отрица-

тельном герое — и не боимся заострения, преувеличения образа. Но почему-то, как правило, мы боимся укрупнять, заострять, преувеличивать, работая над образом истинного героя современности. Мы боимся обвинения в идеализации и оставляем героя на ступеньке заурядности.

Слов нет, Алексей Арбузов, Виктор Розов, Александр Володин — талантливые драматурги, их любят зрители, они умеют тронуть сердце человеческого, и подчас очень тонко. Их нбсы правдивы, быт описан верно, детали жизненны. Но ведь не только в этом сила драматургии. Советская драматургия — драматургия большой революционной мысли, страстная, жизнеутверждающая, зовущая на борьбу за коммунизм, на борьбу до последнего дыхания. Драматургия Тренева, Вилья-Белоцерковского, Ромашова, Лавренева, Корнейчука, Иванова, Подгодина тем и знаменита, тем и сильна, тем и определила свое место в мировой драматической литературе! Это драматургия, решающая основные вопросы времени, вторгающаяся в жизнь, предсказывающая новые пути движения общества. Вот чего подчас недостает нашей сегодняшней драматургии.

Современный герой властно завоевывает свое место в драматургии. Однако этому новому герою мешают старые схемы.

О строгой требовательности к драматургическому искусству, о проблемах формы, о языке пьесы призваны писать наши критики. К глубокому нашему огорчению, так бывает не всегда. Вот, например, газета «Советская культура». Кому, как не этой газете, писать о новых пьесах, о проблемах мастерства, поддерживать новое, восставать против косности и ремесленничества? Однако и мы, драматурги, и работники театра глубоко не удовлетворены газетой. Она электична, бесстрашна. Критический материал в ней подчас публикуется, на мой взгляд, просто некалфицифицированный; скороговоркой, дехотя говорится о важнейших вопросах жизни искусства.

Мало внимания уделяет драматургии и наша «Литературная газета».

Я скажу также, что в Союзе писателей драматургия не считается равноправной дочерью. Скорее она — падчерица. Обходат бедную падчерицу во всем. И в толстых журналах Союза писателей, за исключением журнала «Театр» и журнала «Октябрь», и в издательствах редко, неохотно и ничтожными тиражами печатаются пьесы.

Московские драматурги — боевой отряд советской литературы. Мы понимаем всю полноту ответственности за судьбу советского театра, за дальнейшее развитие кинематографии, за рост нового жанра искусства — телевидения. Было бы малодушием согласиться с предположением, будто кино и телевидение в конце концов займут театр на задворках культуры. Этого никогда не случится, нет! Однако мы должны сейчас, как никогда, мобилизовать свои творческие силы. Вслушаться в голос времени. Четко опутить новые, ушащенные ритмы жизни. Развивать и совершенствовать лучшие традиции советской драматургии — драматургии коммунизма! (Аплодисменты).

рост. Целесообразно было бы поговорить об этом при обсуждении третьего пункта нашей повестки дня.

Интересы дальнейшего развития нашей многонациональной литературы требуют широкого обсуждения вопроса о переводах. Узбекская писательская организация совместно с Гослитиздатом Узбекской ССР составила перспективный план по изданию переводной художественной литературы. Планом предусматривается перевод произведений русской литературы, литературы народов СССР и стран народной демократии, классической и современной литературы Запада и Востока.

Для развития многонациональной советской литературы вопрос о выращивании и воспитании квалифицированных переводчиков имеет огромное значение. Из-за отсутствия таких переводчиков порою не сохраняются аромат, прелесть, национальные особенности литературы того или другого народа. Перевод произведений на русский язык или с русского на узбекский должен быть эквивалентным подлиннику.

Не менее важное значение для развития советской литературы имеет и вопрос о расширении связей братских литераторов. Проводившиеся в прошлом году обсуждения литературных журналов Средней Азии и Казахстана принесли

большую пользу нашим печатным органам и писательским коллективам братских республик. Этот опыт настоятельно побуждает нас ставить вопрос о формах постоянной связи.

Мне кажется, что каждому участнику съезда хочется поговорить и поспорить о национальной форме, о новаторстве и традициях, о социалистическом реализме на конкретном материале произведений советских писателей. Надо чаще организовывать специальные дискуссии по проблемам литературы с широким привлечением художников слова всех национальностей Советского Союза.

Мы, писатели Узбекистана, испытываем большое удовлетворение от мысли, что во главе братских литератур Советского Союза стоит великая русская литература с ее колоссальным творческим опытом мирового значения. Учас у классиков русской и советской литературы, усваивая традиции русского реализма, мы продолжаем развивать и свои лучшие национальные традиции.

Всю свою творческую деятельность литераторы Узбекистана направляют на активную мобилизацию творческих сил писателей, на решение высших и благородных задач, поставленных перед нашей литературой XXI съездом КПСС. (Аплодисменты).

Воспевать то, что народ делает

Речь Александра ПРОКОФЬЕВА (Ленинград)

СОВСЕМ недавно при встрече со мной известный всей нашей стране председатель колхоза «Рассвет», что на Могиляшине, Кирилл Прокофьевич Орловский сказал: «Я человек с фантазией, посажу в честь семилетки семь дубков на холме. Пусть они растут, красуются, будут символом ее!»

К. П. Орловский свой замысел уже осуществил. Недавно в «Правде» и прочитал стихи Бровки, посвященные позанному небольшому событию. Дубки посажены, пусть растут! Тем более, что это в традициях наших народов: семья в честь какого-либо выдающегося семейного события садит деревцо, в городах садят сады или разбивают парки, например парки Победы.

Кирилл Орловский назвал себя человеком с фантазией. Это в переводе на русский язык значит — человек с выдумкой. Мы, работники советского искусства, писатели, по своей природе тоже должны быть выдумщиками, должны обладать выдумкой. Твори, выдумывай, пробуй! — призывал нас Маяковский. Мы должны, осуществляя эти призывы, сказать о семилетке не хуже, чем сказали о первых годах Советской власти или о Великой Отечественной войне. Семилетний план — это немеркнущая слава нашего народа, это гимн Октябрю. Устами нашего Первого секретаря, нашего замечательного друга Никиты Сергеевича Хрущева мы названы ближайшими помощниками партии. Что же должны делать помощники, когда партии дано народу исполнинская задача? Ответ ясен — помощники должны помогать. Как? Чем? Расскажем о великих событиях, совершающихся в стране, песней, воспевающих их, поэмой, где герои семилетки будут узнавать себя. Всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами мы должны помочь партии и народу в осуществлении семилетнего плана. И как думаем мы — и, полагаю, не только мне — все это надо делать силами всей организации, силами всех работников литературы и искусства. Они больше, другие меньше, но каждый из нас должен вложить свою долю труда в это великое всенародное дело.

Ленинградские писатели и журналисты, пожалуй, одними из первых возобновили и продолжают работу по истории фабрик и заводов. Уже так или иначе сказано о Кировском и о Сестротрском заводах, об «Электросиле», о фабрике имени Тельмана, Охтенском химкомбинате. Пишутся книжки о фабрике «Скороход», о «Красном выборжке». Вышли два сборника из цикла «Бастоны революции». И, пожалуй, также впервые мы делаем поchin по истории колхозов.

Все это, нам думается, заслуживает внимания. Однако вопрос о восстановлении существовавшей до войны Главной редакции и издательства по истории фабрик и заводов до сих пор остается открытым. Я говорил об этом на Первом учредительном съезде писателей Российской Федерации, говорю и сейчас. Следует все же заняться вопросом, поставленным и решенным в свое время А. М. Горьким.

Для того чтобы крепло и росло братство между народами Советского Союза, между советским народом и народами других стран, нам надо всемерно укреплять и развивать дружбу литераторов.

Давно и это известно многим, мы, ленинградские писатели, хорошо дружим с украинскими и белорусскими советскими литераторами. Ленинградцы хорошо поработали над переводами каракалпакских поэтов. У нас есть неплохие образцы переводческой работы из эстонской и латвийской поэзии. Думаем перевести и издать в Ленинграде антологию чувашской поэзии. Нити нашей литературной дружбы тянутся и в Молдавию.

Мы участвовали в переводах стихов итальянских поэтов, переводим финских поэтов и думаем расширить это дело. Переводим стихи поэтов Кореи, и, наконец, у нас есть хорошие переводы из неискаемой богатейшей литературной сокровищницы нашего великого друга — народного Китая.

Все, что я сказал о переводах, — дело

стблнее, больше того, политически и литературно очень важное дело. Известно, что личные контакты в таком деле играют отнюдь не маловажную роль. Поездка группы советских поэтов в Италию и ответный визит в нам итальянских поэтов сделали в налаживании и угрочении дружбы двух литератур очень много. Надо только не ослаблять усилий с обеих сторон, не давать огню гаснуть! А почему, спрашиваю я, по такому же образцу, как с итальянцами, не установили связи, к примеру, со скандинавскими прозаиками и поэтами, с французскими, английскими?

Думаю, что сделать это при доброй воле с обеих сторон можно и должно. Нам надо почаще садиться за круглый стол, о котором хорошо говорил М. А. Шолохов. И тогда за этим столом мы можем услышать, например, такие слова любви, обращенные к нашему народу: «Народ Италии, — сказали нам итальянские друзья во время нашего пребывания у них, — народ Италии делится на две категории: на верших в бота и верящих в Советский Союз!» По-моему, лучше сказать трудно!

Но пока суть да дело, добываем же, товарищи, не за международными круглыми столами, а за нашим всесоюзным. Хорошо бы нам почаще за ним собираться. И за ним, за таким столом, я скажу: мы рады, что смогли перевести на русский язык многие стихи и поэмы наших белорусских и украинских друзей, в частности такую певучую, жизнеутверждающую поэзию, какая сопутствует всей творческой жизни выдающегося певца Советской Украины Андрея Матлышо.

А теперь еще несколько слов о некоторых делах ленинградских писательской организации, заслуживающих, по моему мнению, внимания.

Осуществляя работы над теми же семилетия, мы начали серию небольших книжек под условным названием «Рассказы о великом плане». Будет издан сборник о бригадах коммунистического труда.

В настоящее время мы, ленинградцы, довольны притоком молодых писателей в наш отряд. Они, наши молодые писатели, таланты, наросты, инициативны, пока скромны — к классикам себя не причисляют.

К слову сказать: было бы хорошо, если бы в налаживании работы лиюбвединей в областях включились профсоюзы, подкинули бы немного средств на организацию этого важного дела.

Ленинградские поэты и композиторы написали песни о ленинградских заводах. Песни понравились тем, кому они посвящены, и это обстоятельство, пожалуй, самое главное. Ленинградские заводы хотят, чтобы о них было сказано поуже слово. А что, если этот наш скромный опыт перенести на всю страну? Думаю, что эффект получился бы внушительный.

Советская песня любима народом, один из лучших ее творцов, наш ленинградец В. П. Соловьев-Седой, получил за популяризацию песни высокую награду — Ленинскую премию. Но надо сказать, что у нас с песней не все благополучно. Она идет поточно, и много в этом потоке слабых стихов, наполненных общими словами, много неудачных подтекстов. Авторы в таких случаях надеются, очевидно, что тексты вырут музыка, а композиторы надеются на бога, имя которому — «авось».

На песню надо обратить серьезное внимание. Нельзя снижать достижения советской песни, омрачать завосванные ею сердца!

Товарищи! На одной из встреч с писателями Н. С. Хрущев обратился к нам с призывом воспевать то, что народ делает.

Большой наш друг, дорогой Никита Сергеевич, отвечает мне вам на ваши замечательные слова — основой всей нашей жизни было, есть и будет бесмертное дело нашего великого народа, бесмертное дело партии Ленина! (Аплодисменты).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 61 20 мая 1959 г. 5

Крепить братство!

Речь Камилла ЯШЕНА (Узбекистан)

НЕДАВНО мне попал в руки газета «Правда» за 16 июня 1934 года, в которой было помещено небольшое сообщение о Всесоюзном съезде писателей, подписанное Алексеем Максимовичем Горьким, Александром Фадеевым, Всеволодом Ивановым, Николаем Тихоновым и другими. Сколько мыслей возникло у меня, сколько воспоминаний!

Тогда, на Первом съезде, среди докладов о литературе национальных республик был выслушан специальный доклад о литературе узбекской, о колыхании которой стояли великий русский писатель Горький, его друзья и соратники — выдающиеся русские советские писатели. Они, старшие братья по перу, и на Первом съезде, и в течение дальнейших двадцати пяти лет повседневно помогали нам, служили вдохновенным примером. И если бы жил был Алексей Максимович, как бы он радовался и гордился сейчас успехами и ростом литератур национальных братских республик, в том числе узбекской! Ведь на Первом съезде из Ташкента присутствовало небольшое число делегатов, представлявших советскую узбекскую литературу. Ведь в то время мы, узбекские советские писатели, делали первые шаги в таких жанрах, как роман, повесть, драма, детская литература. Двадцать пять лет — небольшая срок, но какой скачок и в количественном, и качественном отношении сделала узбекская литература!

Наша литература подняла самые разнообразные проблемы современной на действительности и прошлого узбекского народа, много потрудились над созданием образов наших современников и в отдельных случаях достигла серьезных и обна-

живающих успехов, свидетельствующих о ее зрелости. Недавняя декада узбекского искусства и литературы в Москве явилась крупным событием в политической и культурной жизни нашей республики, яркой демонстрацией неурушмой дружбы народов нашей необъятной Родины, замечательным свидетельством торжества ленинской национальной политики нашей партии.

Но писатели Узбекистана и Кара-Капкан далеки еще не удовлетворены сделанным. Партия и народ ждут от нас новых и новых произведений вдохновенной силы и красоты.

Многие наши писатели изъявили сейчас желание поехать на длительное время на стройки и в районы, где живут герои будущих произведений. ЦК Коммунистической партии Узбекистана и правительство республики поддержали эту инициативу. Когда мы, писатели, видим такую большую заботу о нас, наш прямой долг — следовать призыву партии, неустанно укреплять связи с современностью и создавать на материале современности произведения большой жизненной правды. Большой правды и высокого искусства!

В своем докладе А. Сурков привел разительные цифры роста писательской организации. Они нас радуют. Правда, докладчик не нашел нужным назвать хотя бы несколько имен молодых писателей и их произведения, действительно талантливые. У нас в Узбекистане также значительно выросла писательская организация. Это хорошо, но порой мы торопимся с призывом в союз молодых литераторов, еще не имеющих жизненного опыта. Спешка здесь недопустима. Вместо того, чтобы воспитывать молодые кадры, мы таким образом, торопим их

Выступления участников съезда

Узы неразлучной дружбы

Речь Ярослава ИВАШКЕВИЧА (Польша)

Ярослав Ивашкевич приветствует съезд на польском языке

А ТЕПЕРЬ давайте перейдем к русскому языку, как будет доходчивее и теплее, как между друзьями...

как можно лучше узнать друг друга. А узнать — это значит понять. Я думаю, что путь личных контактов и бесед...

Советская литература в силу своих прекрасных традиций, благодаря нашему своему богатству и значению, благодаря ее страстной любви к действительности...

Литература наших народов, как это прекрасно сказал вчера Константин Федин, неотделима от истории. Я не буду приводить здесь часто повторяемые примеры и фразы о дружбе между нашими и нашими поэтами, прозаиками...

Хотя мы и соседи, хотя судьба соединила нас навеки, и общий путь объединяет нас, но надо признать, что еще не все сделано для того, чтобы мы могли

нальный опыт, оперируем большей частью только близлежащим, «своим» материалом.

И тут встает важнейший для нашего съезда вопрос: как в дальнейшем успешно обеспечить наше общее дело взаимного общения, взаимного проникновения и взаимного влияния на основе общего роста всех наших братских литератур...

Спору нет, это единство, это общность наших литератур сейчас неизмеримо возросли, в частности и потому, что выросла, раздалась шире, каждая литература, отдельно взятая.

Скажем так: у нас в Латвии в литературных спорах все чаще наряду с произведениями латвийских авторов фигурируют и книги русских, украинских, литовских и эстонских писателей.

Мы хотели бы многому научиться у вас, и прежде всего умениям приобщать читателей к книге, завоевывать читательские массы, умения пробуждать интерес и большое уважение к писательскому труду.

Создавать живые образы героев

Речь Сергея САРТАКОВА (Москва)

НЕСКОЛЬКО лет назад разразившаяся была в печати и на писательских собраниях дискуссия о положительном, в другом варианте об идеальном герое — спор, после которого и в наши дни бытуют такие иронические термины, как герой «с червоточкой»...

Путь же ваша работа будет плодотворной! Пусть принесет она богатые плоды на благо красоте и правде, важные решения для мира и для социализма!

отметить, что очень еще мало мы в разборе этих своих явлений, к анализу своих проблем привлекаем материал литературы, не находим параллелей, сравнений, чтобы литературные процессы анализировать глубже.

То же самое происходит и в литературной критике, на страницах наших центральных журналов. Критики, слов нет, в своих статьях стараются решать актуальные вопросы литературы, но это решение получается ограниченным, потому что обширнейший материал национальных республик по большей части остается вне их поля зрения.

Ново одно: перед всеми нашими литературными стоит большие общие проблемы — и проблема отображения современности, и проблема роста нашего мастерства, — и решить все эти задачи мы сможем только тогда, когда взаимное обогащение и взаимная связь станут еще крепче.

Слушайте Уитмена!

Речь Корнея ЧУКОВСКОГО (Москва)

ЧТОБЫ пристрелить музыканта, нужно вставить заряженное ружье в пюпитр, на котором ему придется играть. Сделайте так, чтобы ружье было нацелено прямо в лоб музыканту.

Письма, стал по-детски лизать одну за другой и тотчас же грохнулся, как подкошенный, на пол. Мальчик умирает у нас на глазах, а нам его ни сколько не жалко, потому что мы не успели полюбить его, привязаться к нему или хотя бы познакомиться с ним.

После этих роковых смертей, описанных мисс Игрой Марш в ее сверхпопулярных романах «Шампанское убийство» и «Прелюдия смерти», вам, пожалуй, покажется не слишком заманчивым убийство при помощи колокольного звона. Между тем в своем романе «Девятка портных» мисс Дороти Сейерс доказала читателям, что придуманное ею убийство тоже имеет всю прелесть новизны и пикантности.

Нынешней зимой я был болен, и врачи разрешили мне столько легкое чтение. Зная мое давнее пристрастие к Америке, и особенно к Англии, друзья принесли мне изрядную грудку английских и американских романов, и я впервые увидел, как велика эта армия душегубных писателей, отдающих все свои литературные силы изобретению новых и новых сногсшибательных, причудливых, виртуозных убийств.

Пожалуйста, не подумайте, что я собираюсь ни с того, ни с сего выступить здесь с обвинительной речью против так называемой детективной словесности.

Когда выпуск бумажных денег превышает золотое обеспечение, наступает инфляция, — деньги падают в цене. Нам очень тщательно нужно проверять соответствие выпуска литературных кредитных билетов золотому запасу.

Сейчас подавляющее большинство наиболее талантливых и работоспособных писателей занято, как говорится, «на службе» в различных писательских организациях.

Вторая особенность — баснословно широкий, поистине океанский размах этого, в сущности, очень узкого жанра. Почему многие сочиняют эту оболваненную любовью и желанием? Почему после того, как они прочитали, например, «Убийство на улице Прада»...

Вот этот-то океанский разлив уголовной словесности показался мне одной из наиболее устрашающих черт.

Если воевать — так за победу трудам! И пусть развеваются ваши знамена под тихим и ласковым ветром. (Аплодисменты).

Современность, масштабность

Речь Валдиса ЛУКСА (Латвия)

В НАШИХ разговорах о теме современности в литературе мы иногда пытаемся определить современность по календарным датам. Скажем, доходит до того, что некоторые датируют современность, вернее ее начало, 1956 годом, а другие решительно утверждают, что современность началась в последние дни.

Такой подход к столь важной проблеме, на наш взгляд, является поверхностным и ошибочным. Разговор у нас ведь идет не только о том, что можно назвать произведением о современности. Дело — в направлении развития нашей литературы, в направлении наших писательских усилий, в том, насколько они окажутся успешными не только в литературном, но и в общественном смысле.

Следует заметить, что иногда может получиться и так: произведение, в котором прилежно расставлены календарные рамки наших дней, оказывается, только формально говорит о наших днях, а по существу в значительной степени повисает где-то в безвоздушном пространстве, вне современности, вне ее противоречий и страстей.

Произведение о современности в своей основе требует большой современной проблемы, выросшей из наших дней, из ее глубин, проблем, волнующих современную аудиторию. Надо так отображать наше время, чтобы в книгах чувствовался громадный размах эпохи, размах ее революционных свершений.

Крепкий участок, о котором пишет, и стремится о нем, об этом конкретном участке, сказать возможно больше. Но жизнь в этих произведениях как будто ограничивается данным участком, причем мы не видим существенного в нашей жизни, того, чем она отличается от жизни людей прежних времен.

Когда А. М. Горький рассказывал Льву Толстому о своем замысле «Деся Артамоновых», гениальный писатель русского народа сказал: «это надо написать. Кратко написать большой роман».

«Кратко написать большой роман...» Слова эти невольно приходят на память, когда думаешь о наших задачах, о задачах, которые каждый из нас перед собой выдвигает, желая рассказать о современности. Эта скатость, воплощающая в себе масштабность, возникает из умения далеко видеть, охватывая своим взглядом эпоху, ее общественные процессы, переломные моменты судьбы людей, когда перед глазами ясно возникают узловые моменты, узловые противоречия, когда видишь главное и более мелкое, для обозначения которого, возможно, в твоем романе, пьесе, поэме понадобится лишь одна деталь.

яются недостаточными и приходится прибегать действительно к весомым категориям — на сколько килограммов полегает. Об издании многословия и многотомии в последнее время уже говорилось, и вряд ли стоит сейчас по этому поводу повторяться. Мы хотели бы лишь остановиться на том, где искать истоки подлинной масштабности.

Некоторые даже хорошие наши книги подчас страдают известной ограниченностью кругозора. Читатель и видишь, что автор хорошо, даже прекрасно изучил тот конкретный участок, о котором пишет, и стремится о нем, об этом конкретном участке, сказать возможно больше.

«Кратко написать большой роман...» Слова эти невольно приходят на память, когда думаешь о наших задачах, о задачах, которые каждый из нас перед собой выдвигает, желая рассказать о современности. Эта скатость, воплощающая в себе масштабность, возникает из умения далеко видеть, охватывая своим взглядом эпоху, ее общественные процессы, переломные моменты судьбы людей, когда перед глазами ясно возникают узловые моменты, узловые противоречия, когда видишь главное и более мелкое, для обозначения которого, возможно, в твоем романе, пьесе, поэме понадобится лишь одна деталь.

В спорах о темах современности мы, пожалуй, слишком мало уделяем внимания анализу. Мы не анализируем с весовой точки зрения особый подход в решении темы современности в таких, скажем, книгах, как «Круга сливаются реки» И. Бродки, «Кривизна» И. Шамякина, «Слинные воды» М. Ибрагимова и т. д. Правда, рецензии на них появились, книги издаются на русском языке, широко известны, но не об этом идет речь, а о том, что мы слишком мало еще опираемся на весовую многонациональную литературу.

Зарубежные гости на III съезде писателей СССР. На снимке: Энеада Морасе (Бразилия) и Рамон Амайя-Амалор (Гондурас). Фото А. Ялина